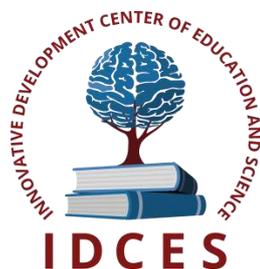

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

Гуманитарные науки: вопросы и тенденции развития

Выпуск III

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(11 ноября 2016 г.)**

г. Красноярск

2016 г.

УДК 009(06)
ББК 6/8я43

Гуманитарные науки: вопросы и тенденции развития, / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 3. г. **Красноярск** 2016. 93 с.

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук, доцент Бойко Евдокия Семёновна (г. Красноярск), кандидат искусствоведения Бражникова Юлия Александровна (г. Усть-Каменогорск), кандидат филологических наук, доцент Бутусова Анжелика Сергеевна (г. Ростов-на-Дону), доктор философии, доцент Волосков Игорь Владимирович (г. Сергиев Посад), кандидат филологических наук Дмитриева Елизавета Игоревна (г. Москва), кандидат педагогических наук, докторант Коршунова Вера Владимировна (г. Красноярск), кандидат культурологии, доцент Николаева Елена Валентиновна (г. Москва), доктор искусствоведения, доцент Хватова Светлана Ивановна (г. Майкоп), кандидат филологических наук Чечелева Вера Николаевна (г. Москва)

В сборнике научных трудов по итогам III Международной научно-практической конференции «**Гуманитарные науки: вопросы и тенденции развития**», г. **Красноярск** представлены научные статьи, тезисы, сообщения аспирантов, соискателей ученых степеней, научных сотрудников, докторантов, преподавателей ВУЗов, студентов, практикующих специалистов в области филологии, искусствоведения и культурологии, общественных деятелей и лиц, проявляющих интерес к рассматриваемым вопросам, Российской Федерации, а также коллег из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов. Материалы размещены в сборнике в авторской правке.

Сборник включен в национальную информационно-аналитическую систему "Российский индекс научного цитирования" (РИНЦ).

© ИЦРОН, 2016 г.
© Коллектив авторов

Оглавление

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.00)	6
СЕКЦИЯ №1.	
ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.01)	6
СЕКЦИЯ №2.	
МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.02)	6
СЕКЦИЯ №3.	
КИНО-, ТЕЛЕ- И ДРУГИЕ ЭКРАННЫЕ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.03)	6
СЕКЦИЯ №4.	
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.04)	6
СЕКЦИЯ №5.	
ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.05)	6
СЕКЦИЯ №6.	
ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И ДИЗАЙН (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.06)	6
СЕКЦИЯ №7.	
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.09)	6
КУЛЬТУРОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.00)	6
СЕКЦИЯ №8.	
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.01)	6
НАРОДНЫЙ ТАНЕЦ КАК ИСТОЧНИК КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ Егоров М.Н., Семенов А.В., Протопопов Е.А.	6
ТРАДИЦИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИХ СОВРЕМЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ Волосков И.В., Колмаков Константин, Волоскова Ксения.....	10
СЕКЦИЯ №9.	
МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.03)	12
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.00.00)	12
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.00)	12
СЕКЦИЯ №10.	
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.01)	12
ОБРАЗ НАРРАТОРА В «ПЕСНЯХ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН» Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ Богданова О.В.	13
МОТИВ ОТРУБЛЕННОЙ ГОЛОВЫ В МАЛОЙ ПРОЗЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО Кокарева Н.В.	16
«СВОЕ» И «ЧУЖОЕ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ М.М. ПРИШВИНА (НА МАТЕРИАЛЕ ОЧЕРКА «ЗА ВОЛШЕБНЫМ КОЛОБКОМ») Иванищева М., Лишова Н.И.	21
КОНЦЕПЦИЯ ДЕТСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ В.В. МАЯКОВСКОГО Павленко И.В.	24

СЕКЦИЯ №11.	
ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЛИ ГРУППЫ ЛИТЕРАТУР) (ОСЕТИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.02)	31
ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ХРИСТИАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ОСЕТИИ	
Валиева Т.И.	31
СЕКЦИЯ №12.	
ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.03)	36
СЕКЦИЯ №13.	
ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.08).....	36
ОСОБЕННОСТИ СИНКРЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ «ГОТИКЕ» (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА)	
Напцок Б.Р.	37
СЕКЦИЯ №14.	
ФОЛЬКЛОРИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.09).....	41
СЕКЦИЯ №15.	
ЖУРНАЛИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.10).....	41
ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.00).....	41
СЕКЦИЯ №16.	
РУССКИЙ ЯЗЫК (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.01).....	41
ФРАЗЕМЫ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО НА ПРОДВИНУТОМ ЭТАПЕ	
Мирошникова М.Г.	41
ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ СРАВНЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ПЕЧАТНЫХ СМИ	
Хорошилова С.В.	45
ОТФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕРИВАТЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	
Ван Цзинхуэй	49
СЕКЦИЯ №17.	
ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.02).....	53
СЕКЦИЯ №18.	
СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.03).....	53
СЕКЦИЯ №19.	
ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.04).....	53
СЕМАСИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СИНОНИМИЧЕСКОГО РЯДА АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ <i>TO FOLLOW, TO CHASE, TO PURSUE,</i> <i>TO TRACE</i>	
Амирова О.Г., Дуйнамалиева Э.С.	53
ОСОБЕННОСТИ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ДОГАДКИ В ПРЕПОДАВАНИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ	
Беляева И.Г.	58

ОСОБЕННОСТИ СЛОВОСЛИЯНИЯ КАК СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ Елисеева В.В.	62
«HAPPINESS» КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЙ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО «HAPPY» И ЕГО ДЕРИВАТОВ В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ТЕКСТАХ Кудря С.В., Бутакова А.М.	67
ПРОДУКТИВНЫЕ МОДЕЛИ СУФФИКСАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ АЛЛЮЗИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ Панасюк И.В.	74
РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СТУДЕНТОВ ВУЗА КУЛЬТУРЫ НА ВНЕАУДИТОРНЫХ ЗАНЯТИЯХ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ DEVELOPMENT OF CREATIVE COMPONENT OF STUDENTS OF THE INSTITUTE OF CULTURE IN ADDITION TO CURRICULUM CLASSES OF THE FOREIGN LANGUAGES Поползина Л.П., Ворончихина М.В.	79
СЕКЦИЯ №20. РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.05)	82
СЕКЦИЯ №21. КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ, ВИЗАНТИЙСКАЯ И НОВОГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.14)	83
СЕКЦИЯ №22. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.19)	83
СЕКЦИЯ №23. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.20)	83
ДЕРИВАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ГЛОБАЛИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ Косырева М.С.	83
СИСТЕМА УПРАЖНЕНИЙ ПО ОБУЧЕНИЮ ПЕРЕВОДУ ПРИЧАСТИЙ НАСТОЯЩЕГО И ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ С ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ Петрова У. В.	87
СЕКЦИЯ №24. ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.21)	90
СЕКЦИЯ №25. ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.22)	90
ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2016 ГОД	91

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.00)

СЕКЦИЯ №1.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.01)

СЕКЦИЯ №2.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.02)

СЕКЦИЯ №3.

**КИНО-, ТЕЛЕ- И ДРУГИЕ ЭКРАННЫЕ ИСКУССТВА
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.03)**

СЕКЦИЯ №4.

**ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО
И АРХИТЕКТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.04)**

СЕКЦИЯ №5.

ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.05)

СЕКЦИЯ №6.

ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И ДИЗАЙН (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.06)

СЕКЦИЯ №7.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.09)

КУЛЬТУРОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.00)

СЕКЦИЯ №8.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.01)

НАРОДНЫЙ ТАНЕЦ КАК ИСТОЧНИК КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Егоров М.Н., Семенов А.В., Протопопов Е.А.

Институт языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации

Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова,

г. Якутск

Настоящее исследование представляет собой попытку целостного осмысления народного танца как источника культурологического исследования. Народный танец является неотъемлемой частью культурного наследия якутов, имеющий исторически

сложившиеся, устойчивые и прогрессивные традиции. Танец как средство передачи культурно-значимой информации, способен объективировать культурные смыслы определенной эпохи, благодаря которому культура обретает свои формы, становится реальностью.

Как показывает анализ научной литературы, сущность и специфика, становление и функционирование танца как социокультурного феномена рассматривается чаще всего с точки зрения эстетики, искусствоведения, фольклористики. Культурология как наука с соответствующими методологическими средствами позволяет нам рассматривать проблему теоретического осмысления танца более широко. Современный этап социокультурного развития общества характеризуется, с одной стороны, возникновением глобальной культуры человечества и модернизацией социокультурной среды, а с другой – возрождением, сохранением и актуализацией ролей локальных, традиционных этнических культур в развитии мировой цивилизации. В этой связи поиск, описание и демонстрация потенциальных возможностей народного танца, выявление его сущностных характеристик как особого вида художественного творчества, определение его роли в культурном наследии якутов составляют основную проблему нашего исследования.

Проблемам развития танцевальной культуры якутов как социокультурного феномена, элемента традиционного наследия и стимула национального культурного развития региона были посвящены труды следующих авторов: Жорницкой М.Я., Лукиной А.Г., Стручковой Н.А., Толстяковой С.П. и других.

В настоящее время традиционная культура народов, в том числе и танцевальная, концентрирующая в себе эстетические, этические, нравственные идеалы, и как результат многовекового духовного опыта, должна быть задействована современным человеком по-новому в динамично меняющемся, развивающемся мире.

Танец занимает определенное место в обществе, и отображает в себе культуру определенного исторического периода в ее целостности, что является, на наш взгляд, важным источником для изучения быстроменяющихся социокультурных процессов, происходящих в танцевальной культуре народа.

Танец – это самая древняя форма человеческого самовыражения, где с помощью своего тела и языка движений человек не только предъявляет себя окружающим, но и сам обретает внутреннюю связь с духовным и эмоциональным миром. Через танцы человек отражает чувства, познает окружающий мир, учится взаимодействовать с ним. Изучение танца не имело бы большого значения, если бы он представлял собой только унаследованное от диких предков моторно-ритмическое выражение избыточной энергии, радости жизни. Установлено, что предрасположенность к танцу развивается разными

путями у различных групп людей, а его смысл и значение связаны с иным феноменом цивилизации, следовательно, его изучение приобретает огромное значение для истории всего человечества [2].

Народный танец – это танец, основанный на этнопластических константах, сформированных на самых ранних этапах зарождения этноса или этносов, из которых образовалась определенная нация в процессе адаптации к природным и социальным условиям и составляющих инвариантную основу танцевальных традиций того или иного народа. В рамках конкретной культурной парадигмы, которая, объективируя ведущие смыслы эпохи, задает определенные предписания для различных сфер деятельности, в том числе и танцевальной, именно на основе своих этнопластических констант народные танцевальные традиции кристаллизуются, наполняются конкретным содержанием, которое соответствует ценностным ориентациям народа, как субъекта данной культурной парадигмы [1].

В результате проведенного нами исследования важнейших аспектов рассматриваемой проблематики мы пришли к следующим выводам:

1. Народный танец является родоначальником всех направлений танца, которые формировались на его основе в течение многих веков. Народный танец является источником культурологического исследования, в нем отражаются национальная специфика этнического мировоззрения, мироощущения, особенности социального поведения и связи человека с окружающим миром, состоящие из множества компонентов, характеризующие духовную, социальную и культурную жизнь народа. Народный танец якутов требует глубоких знаний по истории и краеведению, этнопсихологии и этнохореографии, фольклора и музыки, прикладных искусств и др.

2. Танец, являясь специфической формой коммуникации, представляется своеобразной моделью, которая связывает человека со всем окружающим миром. Народный танец, как никто другой, отражает особенности национального характера, показывает различные стороны жизни народа, а также выражает чувства, переживания, эмоции, эстетически воспевая красоту человеческого тела и духа. Танец является неотъемлемой составляющей жизни человека и его культуры. В якутских ритуальных танцах «Битии», «Осуохай», «Узор», «Шаманская пляска», «Танцы Удаб ан-шаманки», прослеживаются способы и формы выстраивания диалогических отношений между Человеком и Божествами.

3. Региональная сущность и специфика народного танца якутов как одного из ведущего компонента народно-художественной культуры, отражаются в их названиях, семантике, структуре, содержании, композиции, элементах танцевальных движений, а

также в традиционном мировоззрении, мировосприятии, религиозном веровании, нравах, поведении, знаниях, языке, образах, символах и культурных кодах народа.

4. Огромный вклад в пропаганде и дальнейшем развитии народного танца должен внести созданный по нашей Модели уникальный танцевальный ансамбль народного танца. Основной целью модели является сохранение, актуализация и развитие традиционной танцевальной культуры якутов, формирование и развитие индивидуальных возможностей, творческих способностей и художественного вкуса детей посредством народных танцев, приобщение детей к миру прекрасного. Разработанная Модель танцевального ансамбля народного танца представляет собой мощный фактор эволюции народного танца и целостную систему последовательного осознания связей якутской традиционной культуры.

5. Перспективы развития и совершенствование народного танца якутов предполагают организацию социально-культурной среды, способной удовлетворить потребности и интересы народа, углубленное изучение этногенеза, декоративно-прикладного искусства, устного народного творчества, музыкального фольклора, национального костюма, создание школы, центров, студий и танцевальных ансамблей народного танца с применением инновационных педагогических технологий в учебно-творческом процессе; учреждение и проведение различных фестивалей, праздников и конкурсов народного творчества.

Список литературы

1. Петроченко Н.В. Культурная парадигма как методологическое средство исследования хореографического искусства: Дис. ... к-та культ. – Кемерово, 2005. – 247 с. // <http://www.dslib.net/teorja-kultury/kulturnaja-paradigma-kak-metodologicheskoe-sredstvo-issledovanija-horeograficheskogo.html>
2. Тугай А.В. Методологические подходы к изучению танца // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – Выпуск № 2 (38). – 2014.

ТРАДИЦИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИХ СОВРЕМЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ

Волосков И.В., Колмаков Константин, Волоскова Ксения

(Волосков И.В., доктор философии, профессор - НОУ ВПО Национальный

гуманитарный институт социального управления;

Колмаков Константин, учащийся - НОУ ДО «Центр интенсивных технологий образования»;

Волоскова Ксения, учащаяся - ГБОУ СОШ №536)

Восприятие традиции русской литературы и культуры в целом современной молодежью в условиях глобализации и прогнозируемого грядущего исчезновения этнических культур и замены их глобальной культурой составляет важнейшую проблему теории культуры. От того, насколько современная молодежь глубоко усваивает литературную традицию, особенно ее духовно-нравственный потенциал во многом зависит судьба литературной традиции. Соавторами данной работы выступили учащиеся частных и государственных школ, усваивающие литературную традицию, предлагающие свои попытки осмысления современного звучания русской литературы. В качестве задания учащимся было представлено написание эссе на тему «Русская литература и современность». Жанр эссе позволил учащимся показать авторскую позицию, аргументировать ее, сделать акцент на наиболее важных с их точки зрения аспектах современного звучания русской литературы. Следует отметить гуманитарную одаренность учащихся, их внимательное отношение к литературной традиции и ее современной интерпретации. Гуманитарная одаренность повлияла на профессиональный выбор. Соавторы работы, будущие журналисты, учителя русского языка и литературы, представители профессий, связанных с художественным словом и культурным наследием.

Колмаков Константин, осмысляя современное звучание русской литературной традиции, отметил: «Классическая русская литература. Что это? Сборник исторических документов, помогающий изучать прошлое? Или, всё-таки, нравственный учитель? А может, обличающий пороки общества мудрец? Путеводная звезда, позволяющая людям не заблудиться в современном мире? Всё это является бессмертным наследием русского народа - классикой русской литературы. Классическая литература - незыблемый памятник, позволяющий не просто изучать историю, а погружаться в неё, как бы становясь частью хитросплетений судьбы всего русского народа. Помимо исторической составляющей, литература имеет огромную культурную ценность для всех людей всех возрастов. Даже, несмотря на тот факт, что произведения могли быть написаны

столетиями назад, отраженные в них проблемы и конфликты остаются актуальными и по сей день. Классика, несущая нравственный стержень, воспитавший не одно поколение, остаётся значимой и в наши дни. Любовь, верность, честь, предательство, отвага - всё это есть и сейчас в современном мире и российском обществе, просто интерпретируются эти темы по-другому, через призму современного мира. Русская литература, как телеграф, отправляющий нынешним поколениям сообщения о прошлом. Её главная задача - показать пример неправильного поведения, научить, как не надо поступать. Однако, как водится, «история учит человека тому, что человек ничему не учится из истории», и ошибки, совершенные нашими предками, совершаются и сейчас. Например, через образ Онегина Пушкин показывает людей, которые не могли найти себя в жизни. Таких индивидуумов можно встретить и сейчас. Не буду называть имена, скажу только, что в основном эти люди - так называемая "золотая молодёжь", о которой сейчас нередко говорят в СМИ. В "Герое нашего времени" Лермонтов знакомит читателей с той же проблемой - проблемой "лишних людей" А вот Грибоедов и Гоголь в своих произведениях повествуют о других проблемах общества. Невежество, жестокость, бесчестие, нежелание учиться - вот то, что так яростно критикуют писатели. К сожалению, и в наше время эти пороки не редкость. Русская классика прививает моральные и нравственные ценности, которые не устареют с течением времени. Пушкинская "Капитанская дочка" является отражением верности и чести, искренней любви, настоящей дружбы - тех ценностей, которыми должны дорожить люди всех поколений. Через образ Гринёва читатель понимает, насколько важна человеку дружба и отеческий совет. В то же время Петр Андреевич является примером справедливого и верного отечеству и своему слову мужчины. А Маша Миронова своими поступками доказывает, что настоящая любовь иногда творит чудеса». Ценным в рассуждениях Константина Колмакова является не только литературный стиль, но и восприятие русской литературной традиции как «живой», сохраняющей актуальность для современного читателя и общества. Русскую литературу связывают с современностью, по мысли автора и литературные герои, которые, благодаря своей типичности, оказываются актуальными для современного общества. Но самым важным в рассуждениях является нравственный потенциал русской литературы. Рассуждения о романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка» приводят вновь к мысли, что любовь, дружба, верность как основа взаимоотношений между людьми ценны в любое время и в любом обществе. Вечные темы и их нравственное осмысление - вот что несет русская литература современному обществу и культуре.

Волоскова Ксения в своих рассуждениях о современном звучании русской литературной традиции отмечает: «Русская литература-это нравственный учитель, который рассказывает о событиях далекого времени. Произведения А.С. Пушкина, Д.И. Фонвизина рассказывают о положительных и отрицательных качествах русского человека. В романе «Капитанская дочка» в образе П. Гринёва А.С. Пушкин даёт потомкам образец служения государству. Гринёв служил верой и правдой, остался верным присяге и дворянской чести. А Маша Миронова доказала своим поступком, что настоящая любовь творит невозможное. Д.И. Фонвизин в бессмертной комедии «Недоросль» высмеивает такие отрицательные пороки, как необразованность и лень. Как и во времена Фонвизина, в современном обществе много необразованных, ленивых, злонравных, жестоких людей. Также, как и во времена Фонвизина, им противостоят образованные, умные, хорошие люди, готовые прийти на помощь другим». Автор данного эссе в своих рассуждениях делает акцент на нравственный потенциал русской литературы, её созвучие современности, типичности и актуальности как для прошлого, так и для современного общества героев русской классической литературы.

Таким образом, в представлении авторов об источниках актуальности русской литературной традиции и её наследия в современном российском обществе доминирует нравственный потенциал литературы, темы чести, долга, служения, добродетелей и пороков, а также созвучия героев литературных произведений современному человеку. Глубокое осмысление русской культурной традиции, её наследия и современного звучания свидетельствует не только о сохранении значимости наследия русской классической литературы для современной молодежи, но и большом потенциале жизнеспособности культурной традиции в условиях культурной глобализации.

СЕКЦИЯ №9.

**МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.03)**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.00.00)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.00)

СЕКЦИЯ №10.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.01)

ОБРАЗ НАРРАТОРА В «ПЕСНЯХ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН» Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ

Богданова О.В.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

Цикл «Песни восточных песен» Л. Петрушевской включает в себя девять коротких рассказов, написанных в прозаической форме. Однако, рассматривать замену поэтической повествовательной формы «Песен западных славян» А. Пушкина [2] на прозаическую у Петрушевской можно не только в плане ее творческой «нерешительности», но и в плане осознанной *прозаизации* — «огрубления» той действительности, которая оказывается объектом авторского внимания. Прозаическая форма придает текстам более приземленный, более правдоподобный, «бывший» характер: «фольклор от Петрушевской» оказывается приближенным к слушателю, несет на себе печать «имевшего места» события.

Прозаизация текста Петрушевской поддерживается сказовой (или около-сказовой) манерой изложения, когда внешне безличное повествование насыщается словами, фразами, оборотами, конструкциями, которые не являются принадлежностью литературной, нормативной, нейтральной (авторской) речи, но несут на себе отпечаток субъективных особенностей манеры невидимого (внесценического) нарратора, рассказчика-сказителя.

Персонализации образа нарратора-рассказчика, нарратора--сказителя в тексте Петрушевской не происходит, в качестве отдельного персонажа он не проявляет себя ни в одном из рассказов. Между тем характер повествования у Петрушевской таков, что за невидимым образом сказителя со всей очевидностью слышится его субъективированная, очень личностная речь, манера, интонация. Субъективация повествовательного голоса нарратора дает себя знать в особенностях рассказа, ошибках речи, оговорках, неправильностях строя предложения, ненормативности фразы и проч., которые обнаруживаются в сфере, казалось бы, должного быть нейтральным авторского сообщения. Т.е. нарратор-повествователь уступает место нарратору-рассказчику, нейтральная литературная авторская манера сменяется разговорной, просторечной манерой сказителя: «*стало быть*, мать хотела <...> бросить своего мужа»; «его, *стало быть*, заставили жениться»; «он, *стало быть*, был вынужден пойти жить в этот ненавистный дом» [1, с. 17, 23, 24], «*подумаешь*, что в нем было-то...» [1, с. 25] и др. появляются в тексте как личностные комментарии субъективированного имплицитного нарратора, рассказчика-сказителя.

Доминантой повествовательной манеры «Песен восточных славян» оказывается незатейливый сказ, а его носитель может быть описан и охарактеризован как простоватый, доверчивый, суеверный, весьма непосредственный человек. В какой-то момент начинает казаться, что нарратор Петрушевской может быть зримо обрисован, наделен некими физиономическими чертами, что его портрет легко прорисовать, подобно тому, как когда-то А. Толстой и братья Жемчужниковы выписали (вырисовали на бумаге) портрет Козьмы Пруткова. Петрушевская мастерски имитирует манеру рассказчика-простолюдина, сказывающего свои современные сказки-были, но при этом не нагружает повествование образом самостоятельного персонажа-сказителя. Т.е. поступает именно таким образом, как можно наблюдать в текстах фольклорных новеллистических (бытовых) сказок — образ нарратора-сказителя ошутим, но невидим, затекстов.

Эфемерный образ сказителя привносит элемент убедительности и правдивости в рассказ, как бы свидетельствует о его истинности, подводит слушателя к вере в рассказанное, хотя (кажется) и сам рассказчик не вполне верит собственным рассказам, не может их логически объяснить. Между тем этого и не требуется: как и в фольклорной сказке, вера в подлинность изображенных событий у Петрушевской не программируется, она словно бы рассчитывает на генетическую веру человека в сказочные события, на то доверие, которое порождено и воспитано восприятием сказок в детстве.

Обличенный манерой субъективного нарратора-сказителя, «мнимый» рассказчик Петрушевской прибегает к приемам поэтической организации речи. Как принято в сказках различных видовых категорий, рассказчик использует тоекратные речевые формулы, нагнетая повествование, ритмически организуя его течение. Это могут быть три дня, три ночи, три часа, три месяца, «три гроба» (как в «Случае в Сокольниках» [1, с. 9]), герой может быть охарактеризован тоекратным нагнетанием эпитетов — «худой, бледный, изможденный» [1, с. 9], может быть тоекратно повторено одно и то же действие (в «Нине Комаровой» героиня трижды обращается к жителям деревни с одним и тем же вопросом [1, с. 54]). Однотипное отрицание (или утверждение) может быть усилено трижды: «ни выстрелов, ни команд, ни остановки моторов...» [1, с. 15].

Анафорические зачины, столь характерные для сказочных фольклорных изложений, становятся характерологической чертой поэтической речи сказителя Петрушевской: «А Рая упрямо возилась...», «А Рая знала...», «А Рая начала подготовку...» («Месть» [1, с. 43]).

Нагнетание черт индивидуализации речи и доверительной манеры наррации сказителя Петрушевской идет по пути выявления малограмотности ее носителя. Так, речь «невидимого» рассказчика может быть разговорной, опрошенной, сниженной,

насыщенной ошибками, оговорками, неправильностями. Он может произнести: «<...> ее муж был летчик» [1, с. 9], хотя грамматическая норма диктует в данной конструкции использование творительного падежа на месте использованного именительного (одна из наиболее характерных ошибок разговорной речи). Ее герой может сказать «пойти на скверик» (по аналогии с «пойти на улицу») вместо ожидаемого в этом случае «в скверик» [1, с. 48]. Единственное число глагола неожиданным образом в предложении может быть заменено на множественное, личная форма глагола вытеснена безличной или неопределенно-личной, хотя количество действующих лиц в рассказе не изменилось («закопали» вместо «закопал» [1, с. 13]) и др.

На уровне речевых ошибок «там...» у рассказчика может «случиться событие» [1, с. 18]. Пословично-поговорочные формулы могут обрести в речи сказителя новое очертание: «Все это как громом прозвучало в ушах бедного человека...» [1, с. 49]. В речи повествователя появляются «лишние слова», намеренно учащены наречные «вдруг» и др.

Логический строй речи сказителя может оказаться нарушенным: в одном ряду могут стоять понятия разного уровня и рядности. Так, в «Случае в Сокольниках» рассказчик сообщает, что героя «вовсе не похоронили <...> а его воздушной волной бросило на деревья» [1, с. 10], словно бы события происходили одновременно или последовательно, хотя известно, что между ними прошло по крайней мере три дня и следовали они ровно в обратном порядке. Заблудившись в темном лесу, героиня может неожиданно из леса выйти прямо к трамваю [1, с. 11]. Все лето пролежавшую в воронке одежду герой (почему-то) предлагает закопать именно с приближением зимы, по причине «а то кто-нибудь найдет» [1, с. 10]. Вполне органично в его речи звучит и фраза: «Один молодой человек Олег остался без отца и матери, когда умерла мать» («Материнский привет» [1, с. 17]).

В фольклоризированной речи сказителя могут неожиданным образом прозвучать «неопознанные» библейские мотивы (например, «встань и иди» применительно к погибшему (сгоревшему) чурбану-штурману в «Случае в Сокольниках» [1, с. 14]), мелькнуть мифологические образы (соляной столб в «Маленьком доме» [1, с. 37]) или всплыть в речи сказителя литературные «неатрибутированные» цитаты из русской классики (Н. Гоголь, Ф. Достоевский, М. Булгаков) и др.

Манера изложения материала в «Песнях восточных славян» такова, что повествователь (условный) и слушатель (условный) — словно бы некие сказывающий сказитель и слушающий его собеседник — оказываются в отношениях диалогического взаимодействия: один рассказывает, другой слушает — о событиях бывших недавно, о событиях имевших место в действительности, очевидцами которых были (или могли

быть) сами участники (или один из участников) диалога-беседы. Отдельные фразы неперсонифицированного нарратора-сказителя, кажется, непосредственно ориентированы на живое восприятие и незамедлительную ответную реакцию слушателя-собеседника. И создается иллюзия, что этот диалог происходит сейчас, непосредственно в момент рассказывания, т.е. время повествования («диалога») актуализируется, осовременивается, приближается к настоящему.

Таким образом, и на уровне названия цикла «Песни восточных славян» вслед за «Песнями западных славян», и на уровне нарративной манеры (образ простоватого рассказчика-сказителя) Петрушевская не отказывается от связи с Пушкиным, но при этом однозначно и определенно от пушкинского «там» и «тогда» последовательно переходит к «здесь» и «сейчас». Хронотоп «Песен...» Петрушевской усложняется: он удваивается, дублируется пушкинским, не утрачивает связи с прошедшим, но оказывается непосредственно ориентированным на настоящее, почти на сиюминутность.

Список литературы

1. *Петрушевская Л.* Случай в Сокольниках: Рассказы из иной реальности. М.: Вагриус, 2002. 175 с.
2. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. Т. XIII. 562 с.

МОТИВ ОТРУБЛЕННОЙ ГОЛОВЫ В МАЛОЙ ПРОЗЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО

Кокарева Н.В.

Хакасский государственный университет им. Катанова, г. Абакан

В статье рассматривается малая проза Андрея Белого в контексте фольклорной традиции, мифологизма и автобиографизма писателя как проявлений художественного синтеза. В центре внимания – мотив отрубленной головы, связанный с мотивами смерти и «ожившего покойника», в рассказе «Горная владычица». Данный рассказ был выбран нами не случайно. По времени написания (1907 год) рассказ «Горная владычица» относится к периоду, который характеризуется активным обращением Белого к фольклору и осмыслением его в духе символизма. Писатель приходит к пониманию мифа как модели мира. Между тем, мифологизм Белого следует рассматривать в качестве неотъемлемой составляющей его символистского, синкретического миропонимания. Мифопространство для писателя-символиста – пространство универсальное и максимально органичное, поскольку символ, как и миф, есть способ соединения в себе, преломления через себя

рационального и иррационального. Художественное воплощение этого пространства, символистское преломление разных мифологических мотивов в «Горной владычице» особенно интересно.

Так, если рассказ Андрея Белого «Аргонавты» является непосредственным воплощением «аргонавтического» мифа, то рассказ «Горная владычица» явление более сложное, синкретическое. Ключевой в структуре данного текста мотив отрубленной головы восходит к разным источникам. Мы находим его в кельтских сказаниях и легендах. Так согласно легенде о Бране Благослованном, короле Британии, он повелел после своей смерти зарыть его голову на холме, чтобы британская земля не знала больше ни войн, ни катастроф. Бран – в переводе с бретонского, означает ворон. В древнейших бретонских текстах говорится о том, что умершие способны возвращаться на землю в виде птиц.

В другой кельтской легенде, о Морване, рассказывается, как к отшельнику пришёл безголовый призрак, держа свою голову в руках, и попросил его приставить ему его голову на место. Отшельник, пересилив страх, взял из рук призрака окровавленную голову и приставил её на место. Тогда призрак Морвана стал вновь человеком.

Представление о том, что душа или сила находится в той или иной части тела, существующих самостоятельно от тела, бытовали у многих народов.

Также этот мотив соотносится с двумя античными мифами. Первый – о жреце Аполлона Орфее. Существует несколько рассказов о его гибели. По одной из версий смерти Орфея, он был растерзан менадами, которых наслал на него Дионис. Менады оторвали Орфею голову и бросили её в реку. Голова поплыла по течению, но через какое-то время её прибило к острову Лесбос. Там голову поместили в святилище, где она ещё долгое время пророчествовала.

Орфей считается основателем культовых обрядов орфических мистерий и религиозно-философского учения орфизма. «Миф о растерзании Орфея, как неоднократно отмечалось исследователями, связан с кругом магических представлений и обрядовых практик, обуславливающих получение магических способностей (в том числе пророчески-ясновидческих) инициационным расчленением (до известной степени символическим, но до известной степени и реальным) посвящаемого» [3].

Другой античный миф, связанный с мотивом отрубленной головы – легенда о цветке гиацинте. Гиацинтом звали одного из богов, друга Аполлона. Однажды во время спортивных состязаний Аполлон метнул диск и тот врезался в голову Гиацинта. Из крови, которая разлилась вокруг, вырос «алый, ароматный цветок – гиацинт», а на лепестках его застыл «стон скорби бога Аполлона» [4].

У мотива отрубленной головы ясно прослеживаются и фольклорные корни.

В языке, поверьях и обрядах голова устойчиво ассоциировалась с горшком. В русских и украинских быличках девушки при гадании или общении с нечистой силой надевают себе на голову горшки, а бес пытается оторвать им голову, но вместо этого только разбивает горшки [7]. У славян голова считаласьместилищем души и ума, рассматривалась как сосредоточие жизненной силы. Именно поэтому дьявол пытается лишить девушек головы, чтобы завладеть их душой.

Тот факт, что голова у славян является «местилищем души и разума», подтверждается легендарно-апокрифическими сказаниями, известными в России с XVI в. о том, что некоторые русские святые носили в руках свою отрубленную голову (Меркурий Смоленский, Иоанн Казанский, игумен Псково-Печерского монастыря Корнилий). В житии Михаила Черниговского рассказывается, что его отсеченная голова продолжала говорить. В русских сказках отрубленная голова прирастает к телу по приказанию героя.

По украинским и польским поверьям, вампир показывался иногда в виде человека, несущего свою голову под мышкой. Чтобы уничтожить вампира, у всех славян разрывали его могилу, отрубали голову и клали ее между ногами лицом книзу [7].

Таким образом, мы видим, что мотив отрубленной (потерянной) головы находит широкое отражение в мировой художественной культуре, а также фольклоре различных народов.

Мотив отрубленной головы Белого восходит в первую очередь к мифу об Орфее. Обращение к данному мифу актуально не только для творчества Белого, но и для других символистов. Существует ряд преданий об участии Орфея в походе аргонавтов, где он своей игрой умирал волны. Легенда об аргонавтах породила ряд опорных концептов и дала название московскому кружку, лидером и идейным вдохновителем которого был Андрей Белый.

В «Горной владычице» Белого мотив отрубленной головы также связан с мотивом священного блюда, когда Баран предлагает своей маленькой повелительнице хранить ягодку – головку брата: «В плетёную корзинку Баран бросил голову, как тяжёлый, созревший плод, скачком на уступ взвился, где горная мечтала малютка, мордой к беленкой приложился ручке, оставив на коже мокрый след, плетеной крышкой закрытую корзиночку подал:

– Вот тебе, деточка, большая ягодка, только не открывай её: отдай повару; он уж сумеет тебя усладить» [1].

Надо обратить внимание на то, что у Андрея Белого в рассказе «Горная владычица» фигурирует не одна отрубленная голова, а две. Голова как символ выступает здесь в своём прямом значении. Голова здесь символизирует определённый миропорядок, микрокосм. Голова – это истина выступающая в абсолюте, высшая духовная мера, поэтому потерю головы можно рассматривать как потерю истинности пути, а возвращение головы – как возвращение к истине. Когда брат забирает голову сестры взамен своей собственной, это символизирует крах существующего мироустройства и приход на его место нового миропорядка.

Рассмотрение данного мотива необходимо, поскольку он является сюжетообразующим. Сам же сюжет рассказа – космогония: выси выходят на войну с недрами во имя нового светила, которому только суждено взойти: «Красавец-месяц проливался лучами в горах и равнинах, заглянул в окно, где король, обречённый на гибель, коротал последнюю ночь. Он видел, что сокровище его в руках восставших, потому что гиганты дымовыми руками вознесли голову дивной красавицы. Казалось, что ясный месяц засверкал на башенном выступе и уплыл в небеса, когда безголовые детские тела стояли на башне с протянутыми к небу ручками» [1]. Таким образом, мотив смерти, присутствующий в рассказе, наделяется обратным значением и представляется как космическое бессмертие, космическое рождение.

Вознесение отрубленной головы на небо позволяет обратить внимание на проницаемость телесного и небесного миров, что в свою очередь являет связь со скоморошечьей традицией. «Скоморохи выворачивали «красоту поднебесную», омеивали её, но это была лишь форма её бытования с «обратным» знаком, подчёркивающая её истинное значение и действительное величие» [2]. Скоморохи связаны с обрядовым погребальным комплексом, который в силу всего вышесказанного выражен в рассказе имплицитно.

Также «скоморохи связаны с фарсовыми похоронными причитаниями, а значит, с намеренным «умерщвлением» плоти, которое может быть отнесено, как к третьему лицу, так, думается, и к самому скомороху – происходит как бы отречение от самого себя» [2]. В рассказе Белого брат горной правительницы идёт на смерть, чтобы постичь любовь сестры и в этой любви они оба перерождаются в небесное светило: «...и когда отделилась головка сестры, безголовый брат подал её в облака, и там восходила она месяцем дивным и ясным... Казалось, что ясный месяц засверкал на башенном выступе и уплыл в небеса, когда безголовые детские тела стояли на башне с протянутыми к небу ручками» [1].

Моника Спивак в своей работе «Мать, жена, сестра, дочь? (Объект влечений Андрея Белого)» выделяет как основной подтекст данного рассказа – автобиографичекый.

Как утверждает исследовательница, рассказ Андрея Белого «Горная владычица» целиком посвящен любовному влечению писателя к матери, образ которой в данном рассказе низведён до образа сестры: «Привнесение в любовные отношения «братско-сестринского» инцестуального компонента – отличительная черта жизненного и творческого почерка А. Белого. «Мое блаженство в том, что я Вас считаю сестрой в духе» «Христос с Вами, мой друг, моя сестра, солнце»; «Братски целую Вас – люблю Вас, сестра моя во Христе»[48], - обращался А. Белый к М. К. Морозовой в любовных посланиях. «<...> она стала для меня одно время всем: сестрой, матерью, другом и символом Софии»[49], - так он определял суть своего отношения к М. Я. Сиверс. «За что мне такое счастье, что есть у меня такой брат и такая сестра?»; «Есть у меня сестра и брат. Какое счастье», – писал он А. А. Блоку в 1906 г. разгар своей страсти к его жене[50]» [6].

В рамках рассмотрения мотива отрубленной головы особый интерес в прозе Андрея Белого представляют мотивы ему сопутствующие. Так мотив смерти в рассказе «Горная владычица» наделяется обратным значением – в данном рассказе смерть это не последний рубеж, а скорее переходный этап на пути к бессмертию. По замечанию некоторых исследователей творчества Белого, мотив мёртвой головы является символом непознаваемой России, таким образом можно говорить о том, что мотивом мёртвой головы в рассказ эксплицитно вводится тема России. Автобиографический подтекст рассказа – влечение писателя к матери, низведённой до образа сестры.

Список литературы

1. Белый А. Полное собрание сочинений в двух томах [Текст] / А. Белый. – М., 2011. – т. 2. – 1260 с.
2. Галиева М.А. Феномен трикстера и обрядовая реальность в поэмах В. Маяковского [Текст] / М.А. Галиева // Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово, 2014. – Вып. №4 (60). – Т.3 – С. 145-150
3. Ковалёва И. Герменевтика мифа: Мильтос Сахтурис. «Голова поэта». [Текст] / И. Ковалёва // НЛО. – 2003. – №61.
4. Кун Н.А. Мифы Древней Греции [Текст] / Н.А. Кун / Предисл. Л.И.Таруашвили. – М.: РИК Русанова, 2000. – 528 с.
5. Пильд Л. О литературном генезисе мотива «пляски смерти» в книге стихов Андрея Белого «Пепел» [Текст] / Л. Пильд // Андрей Белый в изменяющемся мире: к 125-летию со дня рождения / Составители: М.Л. Спивак (ответственный редактор), Е.В. Наседкина, И.Б. Делекторская. – М.: Наука, 2008. – С. 333-341

6. Спивак М. Л. Андрей Белый – мистик и советский писатель [Текст] / М.Л. Спивак. – М., 2006. – 577 с.
7. Топорков А.Л. Голова [Текст] / А.Л. Топорков // Славянская мифология: энциклопедический словарь. – М., 2002. – 512 с.

«СВОЕ» И «ЧУЖОЕ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ М.М. ПРИШВИНА
(НА МАТЕРИАЛЕ ОЧЕРКА «ЗА ВОЛШЕБНЫМ КОЛОБКОМ»)

Иванищева М., Лишова Н.И.

МБОУ СОШ с. Братовщина им. Героя Советского Союза В.С. Севрина

Россия и все русское в художественной наррации М. Пришвина – это феномен особой природы, позволяющий представить в полной мере субстанциальную основу того пространства, в котором сосуществуют писатель и его герои. Любимым приемом Пришвина в изображении России является прием антитезы, в полной мере передающий контраст «своего» и «чужого». В творческом поведении писателя можно легко заметить четкое разделение русского, то есть своего, родного, близкого и нерусского, чужого, непонятного, далекого.

Так, оппозиционируют друг другу Россия и Норвегия в раннем очерке «За волшебным колобком». Здесь на первый план выступает проблема диалогизации природного, естественного начала, с одной стороны, и цивилизации, с другой. В очерке «За волшебным колобком» решение данной проблемы представлено путем сравнения быта, культуры, образа жизни жителей Крайнего Севера и граничащей с ним Норвегии.

Крайний Север – колыбель русской души, русского духа, здесь можно почувствовать прошлое, «потрогать» его, подышать им, послушать его голоса. Здесь, в этой первозданной тишине, нет границы между прошлым и настоящим, здесь все: природные стихии, люди, их привычки и традиции – говорит, по мнению Пришвина, о «единой душе мира». Северная природа, так сильно контрастирующая с южной, выковывает особый русский характер.

Пришвинские поморы – люди великой чистоты и силы духа, они трудолюбивы и абсолютно честны. Острый контраст между «природной» цивилизацией Крайнего русского Севера и европейской цивилизацией (Норвегия) был очевиден и для самих поморов: «Все, что в Норвегии хорошо, то в России плохо» [3,356]. Пришвин изображает это противоречие прежде всего в онтологическом плане. Контраст этот проявляется на

всех уровнях жизни: приметы быта, одежда, суеверия, дома, в которых живут русские и норвежцы, отношение к вере, практицизм поморов и прагматизм норвежцев.

Жители Севера живут по природным законам, вдали от удобств и соблазнов цивилизации. Условия их жизни, способы рыболовства, промыслы архаичны и иногда просто опасны: «Сидим на льду... Вода тут ярко бежит, скорее птицы летучей. Попали мы в яроводье: вода да ветер льдину несут, только шапку на голове держи... а кругом-то страсть, пурга...». [3,228]

«Русские поморы промышляют рыбу на таких судах, которые уже не помнят в Норвегии, где совершенствуются постоянно... Я слышал уже не раз, что норвежцы с хохотом встречают русского помора на том судне, которое они давно забыли, и которое в Норвегии можно встретить только в музее» [3,348].

Пришвин подивился, увидев дома простых норвежских рыбаков, прочные, выкрашенные в веселые тона, «занавесочки там, цветы на окнах» [3,350]. А у невесты Иванушки «все... изба не покрыта. В подмоге не сходятся» [3,194].

Русские очень религиозны. Даже их двоеверие вписывается в христианскую картину мира, ибо у них наблюдается абсолютная вера в Божий промысел. Церковь у русских деревянная, «и перед избами много высоких восьмиконечных крестов» [3,197]. У помора развито чувство живой, личной связи с Богом. Здесь обнаруживаются и языческие корни нашей веры. Вспомнить хотя бы убежденность поморов в существовании подводного царя, лесных духов, домовых. Поморские моряки мало считаются с наукой: «Мы свою страну и без науки знаем, до тонкости знаем. Нам и наука не нужна». У них есть свои лоции, похожие на какую-то священную книгу. Налицо соединение, сплетение предрассудков и глубокой веры. Пока видны соответствующие знаки на берегу, помор сверяет их с тем, что есть в лоциях. Когда приметы исчезают, и шторм вот-вот разобьет судно, помор отбрасывает лоции и начинает доверять только своей интуиции, но не забывая при этом обратиться с молитвой к Николаю Угоднику.

Философ А. Панарин отмечал естественность «убогих форм» для русской культуры: «...самая глубокая сущность русской природы в том, что в ней естественны убогие и Божьи люди» [1,148]. Особое место в очерке занимают странники, отправляющиеся на Соловки «по обещанию». Вот описание одного из них: «Это человек идет, котомка за плечами, остроконечная войлочная шляпа закрывает почти все лицо... он мне кажется тяжелым, осевшим на землю призраком...». [3,210] Разве можно увидеть такого странника в Норвегии, стране, где все чисто, обустроено, просчитано... Конечно же, нет. Таким, как этот странник, нет места в парке Гаммерфеста: «Местечко это обнесено решеткой..., вокруг расчищены дорожки, устроен ресторан, тут катаются детские коляски, гуляют

молодые парочки» [3,379]. Рукотворная красота уступает естественной красоте русского Севера. В этом норвежском уголке природы все сделано руками человека, который заботится о своем благополучии. Пришвину кажется, что спасение души в этих местах невозможно. Будучи на Соловецких островах, он пишет: «самим Богом предназначено это место для спасения души, потому что в этой природе, в этой светлости нет греха. Эта природа будто еще не доразвилась до греха» [3,239]. Этой природой можно излечиться и очиститься: она еще не тронута человеком, она такова, какой создал ее Творец. Один из поморов признается: «Край наш богатый, непочатый, самый лучший край Северный, потому что в нем богатства не тронуты». [3,203]

В Норвегии тепло, уютно, красиво, но герою-повествователю чего-то не хватает: «И вдруг как-то мне представилось, что Норвегия – маленькая страна, что между людьми тут как-то тесно... но тут не в жителях дело. Это такое невыразимое субъективное ощущение...». Не хватает той особой природности, которую сохранил русский Север, чистоты и красоты русских храмов, глубокой веры, простоты и наивности русского человека.

Тема исключительности русского пространства продолжается в романе «Кашеева цепь», где антиномия «своего» и «чужого» показана сквозь призму земной стихии. Главный герой Курымушка-Алпатов едет в Германию, в страну, где «широко, просторно, пахнет только водой и камнем» [2, 259]. И только здесь, на чужой стороне, Алпатов понимает, насколько велика сила русской земли: «...земля там родит без навоза, ... там чернозем в аршин толщиной и долго может давать урожаи собственной силой. Там, в России, ни в чем нет счета и меры, как в Германии, и если начнутся поля, то что поля: никакой глаз не может досмотреть их до конца, все рожь или пшеница, овес и картофель. А если начнется где, то и не говорят: «там-то лес», в России скажут: «и вот леса пошли» [2, 266]. Маленькое открытие, сделанное Алпатовым на картофельном участке немца Отто, поразило его: «И земля эта уж не пахла. Алпатов даже взял в руку немного, понюхал: совершенно не пахло землей». [2, 269]. Он вспоминает запах русской земли, русских цветов, трав, и что-то внутри подсказывает ему, что это и есть настоящее, то, что связывает любого человека с родиной.

Все герои Пришвина, будучи странниками не только по призванию, но, в первую очередь, по складу души, всегда приходят к великому открытию: вся Россия – это дом, ведь только здесь автобиографический герой, как и сам автор, находит покой и ощущает себя в родстве со всем, частицей Целого.

Список литературы

1. Панарин А. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2007.
2. Пришвин М.М. Кащеева цепь. М., 1984
3. Пришвин М. Собрание сочинений. Т. 1. 1982.

КОНЦЕПЦИЯ ДЕТСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

В.В. МАЯКОВСКОГО

Павленко И.В.

Армавирский государственный педагогический университет, г. Армавир

Владимир Владимирович Маяковский – одна из грандиознейших и неоднозначных фигур отечественной литературы. Ниспровергатель классики или продолжатель традиций, русский или русскоязычный, проводник высшей правды и нравственности или их противник, противоречивый или последовательный, талантливый или все-таки бездарный? Все эти вопросы не дают покоя исследователям на протяжении почти ста лет.

Сегодня литературоведение определило ряд не вызывающих возражения отправных точек в изучении творчества В.В. Маяковского. Прежде всего – это его вклад в области поэтики стиха. В этом направлении, как и в области языкового новаторства поэта, открывается огромный простор для научных изысканий. Гораздо трудней найти взаимопонимание при оценке идейно-эстетической константы творчества В.В. Маяковского, практически полностью посвященной воспеванию и пропаганде социалистических идеалов. Причем, критика его поэзии велась и ведется не только с «правых» позиций. Несмотря на снисходительно-положительную оценку его «Прозаседавшихся» вождем мирового пролетариата, даже среди современников поэта находилось немало его недоброжелателей, считавших его «попутчиком» и даже врагом советской власти. Считается, что политические гонения, с которыми неожиданно для себя столкнулся их же «глашатай и главарь», стали одним из побудительных мотивов его последнего отчаянного поступка.

Позже, с годами, имя В.В. Маяковского отшлифовалось и постепенно вошло в историко-литературный обиход. Еще позже оно обрело монументальный вид и стало частью официальной идеологии, а портрет поэта – ее атеистической иконой. Понятно, что любое другое отношение, кроме хвалебно-почтительного, не приветствовалось.

Только в последнее десятилетие XX века ситуация стала меняться. Вместе с тем, после крушения социалистической идеологии появился иной соблазн – безоглядной критики всего поэтического наследия В.В. Маяковского, что также не способствует его объективной и всесторонней оценке.

В современной науке о В.В. Маяковском продолжают сосуществовать прямо противоположные мнения. Наряду с оценками Ю.А. Карабчиевского [3] и Ю.М. Павлова и др., небезосновательно оценивающих наследие В.В. Маяковского в негативном ключе: «Творчество поэта находилось в добровольном плену у Маяковского-политика. Это привело к нарушению исторической, художественной правды, к схематизации изображения мира и человека, выхолащиванию живой жизни. Отсюда во многом творческая и человеческая трагедия В. Маяковского. Он действительно явил готовый тип отечественного писателя, сознательно порвавшего с национальными традициями, утверждавшего своим творчеством ценности, не совместимые с традиционными, христианскими ценностями русской литературы. Место человека с лицом, созданного по образу и подобию Божьему, в его поэзии занимает социально или чувственно детерминированный индивид...» [5, с. 193], имеет место попытка защитить, оправдать и возвеличить имя поэта, апеллируют к силе его таланта (А.В. Воронцов [1] и др.).

В своей работе мы не ставим цель осудить или оправдать поэта с позиции сегодняшнего дня. Большое, действительно, видится на расстоянии. В 20-30 года многих современных исследователей, выводящих поэта за рамки национального, расценили бы, в лучшем случае, как «заблудших». В начале XXI века, почти через сто лет, отчетливо видны жесточайшие нравственные заблуждения великого художника, но стало совершенно ясно и то, что масштаб таланта В.В. Маяковского еще долго будет привлекать внимание исследователей и, что более важно, читателей, как и его горячая любовь к Родине, как фанатичная преданность идее. Нам ли судить Талант? Не лучше ли поступить, как написано в Книге Книг: «Не судите, да не судимы будете». Прав М. М. Дунаев, который, тщательно анализируя творчество Маяковского, его общественно-литературную позицию, отмечая все «за» поэтического таланта, дарования и «против» мировоззрения, убеждений «глашатая, горлана, главаря» своей эпохи, придерживается в своих оценках правила «золотой середины»: «Владимир Владимирович Маяковский (1893-1930) – одна из заметнейших фигур как «серебряного века», так и советской литературы. Поэт он подлинный, как бы кто ни относился к его поэзии. Нужно лишь не забывать, что звание поэта не есть индульгенция» [2, с. 730].

Думается, что именно сегодня настало время для сбалансированных оценок поэзии В.В. Маяковского, в том числе и детской, которая построена на тех же морально-эстетических принципах, что и его творчество для взрослой аудитории.

Касаясь изучения детских стихов В.В. Маяковского, ученые в основном затрагивают один и тот же круг вопросов, вторя и перепевая друг друга. Как замечает по этому поводу А. Суботин, «пишущие на эту тему чаще всего составляют незамысловатые и ни к чему не обязывающие комментарии: о чем написаны эти стихи, что хотел сказать автор, к чему он призывает, что стихи воспитывают... Наиболее удачные догадки бродят из статьи в статью, словно бездомные щенки» [7, с. 33]. Вместе с тем, остаются вопросы, которые не лежат на самой поверхности, а потому до сих пор не являются освещенными в должной мере или совсем неосвещенными. Среди них – вопрос о концепции детства в творческом сознании В.В. Маяковского.

Владимир Маяковский обратился к детской литературе уже зрелым мастером. Известно, что талант, который предчувствует эпоху, предвосхищает веяния времени, умеет сказать и новое слово в искусстве. Таков талант Маяковского.

Почему Маяковский стал писать для детей? Разумеется, ответ на этот вопрос всегда будет неполным и приблизительным, так как творческий импульс – производное от множества мыслей, эмоций и внешних обстоятельств, всю сумму которых вряд ли осознает и сам поэт. Но некоторые побуждения можно определить с большой долей вероятности.

Гигантский размах революционных событий рождает у поэта желание перевернуть и в поэзии для детей все старые нравственные и эстетические представления. Он хочет, чтобы жизнь человека была наполнена стремлением осуществить высокие общественные, т.е. классовые идеалы. Прекрасное в понимании Маяковского было связано с революцией. Прекрасно то, что революционно. Тема революции, став не просто всеобъемлющей, но и практически единственной, упрощает и нравственный, и социальный кругозор как самого поэта, так и его героя. Подменяя собой нравственность, партийность стихов В.В. Маяковского подменяет все то, что долгое время оставалось основным вневременным содержанием лирики, – человеческую душу, делая её бесприютной сиротой в меняющемся мире. Мораль, построенная на классовых принципах, на жестокости по отношению к врагу, единственная вина которого в социальном происхождении, не устраивающем идеологов революции, на отрицании христианской, да и просто человеческой этики, хромая на обе ноги, особенно на правую, гремя костылями-лозунгами, упорно пробиралась в сознание детей, нашептывалась, надиктовывалась, вбивалась в их головы В.В. Маяковским, заменяя Бога-отца многоликим отцом – В.К.П.

Между тем, когда поэт на секунду отвлекается от чистой пропаганды и начинает вещать об «общегигиенических», или общепознавательных вещах, его поэзия оказывается безобидной и даже полезной.

Правда, политика не отпускает В.В. Маяковского полностью даже в такой не политической, казалось бы, вещи, как разговоры о животных. А потому для характеристики льва и верблюда в известном детском стихотворении «Что ни страница, - то слон, то львица» поэт снова прибегает к социологемам:

Льва показываю я,
посмотрите нате –
он теперь не царь зверья,
просто председатель [4, с. 30].

Вот верблюд, а на верблюде
возят кладь
и ездят люди.

Он живет среди пустынь,
ест невкусные кусты,
он в работе круглый год –
он,
верблюд,
рабочий скот [4, с. 37].

Грязный и чистый мальчик, ведерная и слякотная погода, храбрец и трусишка, мячик – это традиционные темы и образы поэзии для детей. По словам М.С. Петровского, «Маяковский, глядя на мир как бы с огромной высоты, пренебрегал подробностями и стремился своим стихотворением охватить как можно больше фактов, относящихся к его теме, вобрать все факты этого рода, исчерпать их.

Всеохватность, всемерность, всемирность — вот как следовало бы назвать эту особенность детских стихов Маяковского.

Маяковский был максималистом везде - в жизни и в искусстве, во всем - в морали и в эстетике. Это дало, между прочим, глобальный и вселенский характер его «взрослых» произведений - и энциклопедичность его стихов для детей. Поэт хотел говорить с детьми обо всем, в том числе и о том, о чем прежде говорить с ними было строжайше не принято, например, о политике. А уж заговорив с ребенком о политике, он, конечно, должен был говорить обо всей политике» [6, с. 37-40].

В сущности, все это было бы неплохо. Воспевать труд и людей труда, приучать детей не лениться, рассказывать, как трудолюбие пригодится им в будущем, – чем не благородная задача для детского писателя? Если бы не постоянная, навязчивая идея дискредитации классового врага. Человек или не человек перед ним, В.В. Маяковский всегда определял очень просто: если не пролетарий, следовательно, не человек, если не человек – враг, враг должен быть высмеян, поруган, а лучше всего физически уничтожен для всеобщего блага, сколько бы лет ему ни было. И труд, лень, аккуратность, неряшливость и т.п. становятся в поэзии Маяковского простыми клише, своеобразными маркерами. Если ты буржуй – ты плох и отвратителен во всём, если приходишь из рабочих – наоборот. Плохо, когда эта мысль появляется в вещах, адресованных взрослым, но взрослый все-таки уже имеет свой взгляд на жизнь и может критически оценивать сказанное. Ужасно, когда то же самое становится нравственной программой детских стихов, закрепляя мысль о справедливости классового насилия: ведь столько блага для детей рабочих может доставить нелепая, нестрашная и даже смешная смерть «буржуенка», после которого остаётся целое море еды:

Но не сладил Петя бедный
с шиною велосипедной.

С грустью

объявляю вам:

Петя

лопнул пополам [4, с. 120].

...Вдруг

раздался страшный гром.

Дети

стихли впятером.

Тут

к ногам компанейки

в двух мешках упала соль –

ешь, компания,

изволь!

Вслед за солью с неба

градом

монпансье

с доставкой на дом.

Льёт и сыплет,

к общей радости,
булки всякие
и сладости.
Смех средь маленького люда:
- Вот так чудо!
Чудо-юдо.
Нет,
не чудо это дети,
а – из лопнувшего Пети.
Всё, что лопал Петя толстый,
рассыпается на вёрсты....
Сели дети,
и отряд
съел с восторгом всё подряд [4, с. 124-126].

Слишком доходчиво, слишком просто, а потому, очень опасно. Никаких сожалений. Толстый мальчик не просто взрывается, а к «всеобщей радости». Дети-октябрята при этом начинают себя вести достаточно странно. Фактически они становятся в своём радостно-гастрономическом экстазе чрезвычайно похожими на только что погибшего Петю: есть, поглощать все, что осталось от «буржуенка», наслаждаясь этим, как неизбежным и законным следствием своего полезного и «правильного» происхождения – истинная заповедь положительных детских образов В.В. Маяковского.

Смерть теряет в детских стихах поэта свой сакральный трагический смысл. Если речь идет о классово чуждых людях, то она приобретает черты карнавала, пира, веселья, с колокольным, пусть и пожарным, звоном, с обильной трапезой и радостью на лицах. Все становится с ног на голову. Детям внушается идея непримиримой жестокости к «иным», которая еще не раз даст кровавые всходы на протяжении советского периода. А потому В.В. Маяковский, пытаясь разделить ладонями живую воду нравственности по классовому признаку на свою и чужую, не только не преуспел в этом, ибо один Господь делит любые воды пополам Своею волей, но и замутил этот источник неосторожными движениями, лишив читателей понятий о настоящей нравственности и настоящей морали, которой нет дела до социального происхождения человека, и когда добро и зло остаются самими собой, кто бы и ради чего не совершал бы их, а смерть ребёнка, любого ребёнка, не может вызывать всеобщей радости.

Таким образом, утверждаемый в творчестве В.В. Маяковского общественный человек, глашатай коммунистических идеалов, не только воплощал в себе мечтания в то

время иных представлений человечества об этическом идеале гармонической личности, но и отражал определенный социальный тип, рожденный эпохой резких общественных катаклизмов, что в полной мере нашло отражение в стихах поэта «для детков».

Список литературы

1. Воронцов А.В. Маяковский и его железные книги /Эссе. – //Наш современник. – 2013. - №№7-8.
2. Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII-XX веках. - М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2003.
3. Карабчиевский Ю.А. Воскресение Маяковского. – М.: Советский писатель, 1990.
4. Маяковский В.В. Собрание сочинение: В 8 Т.Т. /Под ред. Л.В. Маяковской. - М.: Правда, 1968.
5. Павлов Ю.М. Художественная концепция личности русской и русскоязычной литературы XX века. - М.: ИМЛИ РАН, 2003.
6. Петровский М.С. Сделал дядя Маяковский /Сборник статей /Под ред. Е.С. Аксеновой. - М.: Детская литература, 1973.
7. Субботин А. Маяковский сквозь призму жанра. М.: Советский писатель, 1986.

СЕКЦИЯ №11.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**(С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЛИ ГРУППЫ ЛИТЕРАТУР)
(ОСЕТИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.02)**

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ХРИСТИАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ОСЕТИИ

Валиева Т.И.

к.ф.н., доц. кафедры начального и дошкольного образования
Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова

После вхождения в состав России в Осетии возникла почва для зарождения христианского просвещения. Этот этап ознаменован вступлением на авансцену просветительской деятельности духовных лиц и представителей военнослужащих. Хотя начальный этап просветительства характеризуется лишь первыми шагами к прогрессу и «воззрения его представителей были недостаточно глубоки, тем не менее, они поставили

перед обществом проблемы, которые имели для будущего развития Осетии кардинальное значение» [2, с. 98].

Одним из средств укрепления своих позиций в Осетии русское правительство считало распространение христианства. В политических и просветительских целях в 1743 году была образована Осетинская духовная комиссия, которая была направлена в Осетию в 1745 году. В миссию духовных лиц входило: осуществлять христианизацию осетин, склонить их к союзу с Россией, а при благоприятных условиях – приводить осетин в русское подданство.

Несмотря на то, что деятельность первых проповедников христианства в Осетии в основном была посвящена интересам колониальной политики царизма, в этой деятельности вместе с тем, были и известные положительные стороны. Это был исходный момент в зарождении и развитии осетинской письменности, первых элементов просвещения среди осетин.

В Осетии миссионеры занимались не только распространением христианства, но также тщательно изучали быт, нравы, религиозные верования населения, различные стороны его внутренней жизни. Среди значительных результатов деятельности Осетинской духовной комиссии следует отметить организацию осетинского посольства в Санкт-Петербурге в 1749 году, в состав которого вошли авторитетные представители всего осетинского народа. Целью посольства было обсуждение с российским правительством вопросов о присоединении Осетии к России и распространение в Осетии христианства. В Осетии также хорошо осознавалось значение письменной культуры, школы и образования. Стремление к этим духовным ценностям являлось одним из главных мотивов политической и культурной ориентации осетин на Россию.

Интересным фактом, подтверждающим стремление горцев к просвещению, явилось прошение осетинского посольства к Синоду об открытии осетинской школы. Да и царское правительство хорошо понимало, что цели христианства не могут быть достигнуты одними силами присылаемых миссионеров, что для этого необходимо подготовить кадры из местных людей через духовную школу. В 1752 году в ауле Дзивгис открылась первая в Осетии частная школа. В следующем 1753 году частные школы появились и в других местах Осетии. Эти школы, как правило, принадлежали священникам – членам Осетинской духовной комиссии. Несмотря на примитивные формы организации школьного обучения, открытие частных школ имело большое значение. С их деятельностью была связана работа по переводу церковных книг на осетинский язык. Это положило начало осетинской письменности.

В 50-60-е гг. XVIII века в Осетии по-прежнему остро стоял вопрос о государственном образовании, которое бы смогло заменить частное обучение. 27 сентября 1764 года в российском правительстве был подписан указ об утверждении в Моздоке осетинской школы. Обучение в ней носило религиозный характер и, в основном, проходило в форме беседы учителя с учениками. Вот что пишут по этому поводу В. К. Кочисов и С. Р. Чеджемов: «Следует учитывать, что она действовала по образцу существовавших в то время в России школ, в которых также специального педагогического образования преподаватели не имели. Это объяснялось тем, что согласно существовавшей тогда точке зрения, педагогическая подготовка учителей признавалась ненужной» [5, с. 76].

Моздокская школа с самого начала играла роль не только религиозно-просветительского учреждения, но и должна была выполнять предназначенную ей роль центра ориентации осетинского народа на политическое, экономическое и культурное сближение с Россией. Эти цели школы отчетливо проявляются в письме Екатерины II астраханскому губернатору Якобию, которому в административном порядке подчинялась школа, что, «нет лучшего способа воспитания осетин приверженцами России, чем их просвещение» [3, с. 143].

В целом в тогдашних условиях открытие Моздокской школы было важным событием в духовной жизни Осетии. Несмотря на то, что преподавание в ней носило религиозный характер, она способствовала появлению первых грамотных осетин, впоследствии много сделавших для дальнейшего развития русско-осетинских отношений. Выпускники продолжали свое обучение в Астраханской и Тбилисской духовных семинариях, привлекались к работе в Осетинской духовной комиссии, занимались переводческой деятельностью. Моздокская школа положила начало основам национального просвещения в Осетии. Одновременно она дала новый толчок становлению осетинской письменности.

В период деятельности осетинской школы в Моздоке на основе церковнославянской графики была написана первая азбука на осетинском языке. Ее авторами-составителями явились епископ Гай Токаов и священник Павел Генцауров (Кесаев). Им же была переведена на осетинский язык и издана в 1798 году в Московской Синодальной типографии первая осетинская книга «Начальное учение человеком, хотящим учиться книг божественного писания». Издание книги «Начальное учение» «явилося стимулом к развитию осетинской письменности, к появлению первых представителей осетинской интеллигенции» [6, с. 54]. Таким образом, с основанием

осетинской школы и возникновением национальной письменности Осетия становилась одним из важных центров христианской культуры на Кавказе.

Христианизацией осетин более ста лет занималась Осетинская духовная комиссия (до 1860 года), но ее основная цель так и не была достигнута. Это убедило духовную комиссию в том, что действительное обращение народа в христианство может быть достигнуто при условии подготовки священников из детей самих осетин. Для достижения этой цели комиссия специально для осетин открыла в 1830 году Владикавказское четырехклассное духовное училище, а в селении Алагир – двухклассный пансион. Одновременно на средства комиссии в Тифлисском духовном училище готовили для поступления в Тифлисскую духовную семинарию группу осетинских мальчиков. Для них наряду с остальными предметами были введены и уроки осетинского языка, на которых они изучали родной язык по составленной Гаем Токаевым и исправленной академиком Шёгреном осетинской письменности.

Передовой представитель русского просветительства первой половины XIX века А. М. Шёгрэн, после тщательного изучения осетинского языка составил осетинский алфавит на основе русской графики. К этому побудила его мысль, высказанная им самим в предисловии к осетинской грамматике: «Соображая как будущую судьбу самих осетин, так и предпочтительную склонность тех из них к русскому письму... я решился в надежде на вернейший и лучший успех принять за основание русский алфавит» [8, с. 76]. Алфавит Шёгрена стал превосходным орудием распространения грамотности и культуры в среде осетинского народа. Создание Шёгреном алфавита и грамматики осетинского языка, по словам В. Абаева, «дало мощный толчок культурному развитию в Осетии. Оно разбудило дремавшие силы одаренного народа [1, с. 322].

Заботу о христианском просвещении осетин в дальнейшем взяло на себя в основном «Общество восстановления Православного Христианства на Кавказе (1860)», которое, по словам К. Хетагурова, на протяжении многих десятилетий «ревностно» продолжало дело насаждения в Осетии христианства и просвещения» [7, с. 231]. С этой целью открывались приходы, строились храмы, создавались церковно-приходские школы, которых уже в 1869 году насчитывалось в Осетии двадцать.

30-50 годы XIX века были периодом дальнейшего развития культуры и просвещения в Осетии, периодом оживления образовательного дела в Осетии, быстрым ростом грамотных людей. Наиболее популярной сферой культурной жизни осетин являлось школьное образование. Число образовательных учреждений Северной Осетии значительно возросло: функционировали несколько школ ведомства Осетинской духовной

комиссии, горская школа, реальная прогимназия, приходские школы, Осетинское духовное училище.

Чтобы усилить христианскую пропаганду среди осетин, высшим кавказским начальством было признано необходимым, открыть в Ардоне миссионерскую духовную семинарию (1896г.). Основанная с целью подготовки священников-осетин и насаждения христианства эта школа не выполнила возложенных на нее задач. Подавляющее большинство учащихся-осетин, окончивших Ардонскую семинарию, становились учителями или же уезжали для продолжения учебы в другие города.

В Осетии интерес к школьному образованию был столь велик, что уже в первой половине XIX в. обсуждался вопрос о женских учебных заведениях. Открытие первых школ для девочек относится к 50-м гг. XIX века (пансион Зураповой-Кубатиевой и пансион в Салугардане). Более основательно вопрос о женском образовании был поставлен Аксо Колиевым – священником и инспектором Владикавказского духовного училища. В 1862 году на свои средства он открыл двухгодичную женскую школу, преобразованную позднее во Владикавказскую Ольгинскую школу, которая получила свое название в честь княгини Ольги Федоровны – попечительницы «Общества восстановления христианства на Кавказе». К. Л. Хетагуров назвал эту школу «гордостью Осетии, одним из лучших светочей христианского просвещения среди горских народов Кавказа» [7, с. 189].

30-60 годы XIX века считаются периодом сравнительно быстрого становления и развития осетинской интеллигенции. В Осетии появились свои учителя, священники, офицеры, переводчики, окончившие разные светские, духовные и военные учебные заведения Кавказа и России. В истории христианского просвещения большой вклад внесла и группа осетинских подвижников. К ним относились священники Алексей Гатуев, Михаил Сохиев, дьякон Алексей Аладжиков, учителя А. Колиев, Соломон Жускаев, Егор Караев, Василий Цораев, Георгий Кантемиров и т.д. Они были первопроходцами осетинской культуры, знатоками осетинского языка, истории и этнографии своего народа. Посвятив себя служению и школьному образованию, эти люди вместе с тем «заложили основы научного осетиноведения, изучавшего проблемы истории, языка и культуры осетинского народа» [4, с. 76].

В 70-х годах в Северной Осетии появились и выпускники светских учебных заведений. Эта была первая волна осетинских просвещенцев, которая сыграла выдающуюся роль в пробуждении народа. Подвижническая деятельность их была многолика: начиная от личного участия в просвещении народа, расширении школьной сети до переводов духовных книг на осетинский язык и ознакомления широких масс с

русской культурой. В деле развития осетинского языка, письменности, культуры, особенно велика роль отдельных представителей духовной интеллигенции, которые свою проповедническую деятельность в русле православного христианства удачно сочетали с учительской деятельностью: И. Ялгузидзе, А. Колиев, Иосиф Чепиговский, В.Цораев, А.Аладжиков, А.Цаликов, А.Гатуев и др.

Таким образом, благодаря христианскому просвещению, в Осетии наблюдается последовательный прогресс общества, заметные сдвиги в его культурном развитии. Это стало возможным благодаря начавшемуся процессу появления осетинских просвещенцев и просветительской идеологии. Христианскому просвещению Осетия обязана появлением и представителей образованной осетинской интеллигенции, чей подвижнический труд на ниве просвещения своего народа – одна из причин активного развития образования в Осетии.

Список литературы

1. Абаев В. И. Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ: ИП, 1990. 638 с.
2. Блиев М.М., Бзаров Р.С. История Осетии с древнейших времен до конца XIX века. М., 2005. 204 с.
3. Гатуев А. Христианство в Осетии. Владикавказ, 2007. 203 с.
4. Джусойты Н.Г. История осетинской литературы. В 2-х ч. Тбилиси: Мецниереба, 1980. Кн. 1. 322 с.
5. Кочисов В. К. Чеджемов С. Р. История развития народного образования в Осетии. Владикавказ: СОГУ им. К. Л. Хетагурова, 2001. 99с.
6. Тотоев М.С. Народное образование и педагогическая мысль в дореволюционной Северной Осетии. Владикавказ, 1982. 236 с.
7. Хетагуров К. Л. Полн. собр. соч.: в 5-х т. Владикавказ: РИПП имени В. А. Гассиева, 2010. Т. 4. 508 с.
8. Шёгрэн А. М. Осетинская грамматика с кратким словарем. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 976 с.

СЕКЦИЯ №12.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.03)

СЕКЦИЯ №13.

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.08)

ОСОБЕННОСТИ СИНКРЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ «ГОТИКЕ» (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА)

Напцок Б.Р.

Адыгейский государственный университет, г. Майкоп

Дефиниция «синкретическая интертекстуальность» была представлена исследовательницей И.В. Арнольд как «соотнесенность текста с нетекстовыми источниками, которыми являются различные виды классического искусства, это, прежде всего живопись, архитектура, музыка» [1]. Данное понятие («синкретическая интертекстуальность») (И. В. Арнольд) [1] синонимично понятиям «интермедиальность» (О. Ханзен-Лёве) [2], взаимодействие (языков) искусств и «интерсемиотичность» (Л.П. Прохорова) [3].

В современном мировом литературоведении существуют различные классификации (литературно-музыкальная классификация С.П. Шера и литературно-живописная О. Ханзен-Лёве и др.) [4] синкретической интертекстуальности или интермедиального взаимодействия.

В литературной «готике» XVIII века представлены разнообразные типы текстовых и художественных взаимодействий, позволяющие увидеть механизмы реализации синкретической интертекстуальности.

1. Моделирование в литературном произведении материальной фактуры одного из видов искусств, в частности архитектуры, (замок, монастырь, аббатство) («Замок Отранто» Х. Уолпола, «Убежище» С. Ли, «готические» романы Э. Рэдклифф, «Монах» М.Г. Льюиса).

В «готическом» «Романе в лесу» писательница Э. Рэдклифф описывает архитектуру полуразрушенного монастыря Сен-Клэр с пустыми огромными залами и лабиринтами потайных комнат и подземелий. Руины монастыря становятся не только местом действия, но и неким магнетическим центром. В изображении замка, мрачного и величественного, Э. Рэдклифф явно руководствовалась тезисом Э. Бёрка: «Чтобы породить чувство «Возвышенного», здание должно быть темным и мрачным» [5:105]. Сочетание архитектурной мощи и мрачности, вызывающей меланхолию, придает зданию живописный вид: *«Монастырь стоял на заросшей поляне, осененной высокими деревьями с раскидистыми кронами, которые казались сверстниками аббатства и придавали всему вокруг романтически мрачный колорит. Большая часть здания лежала в развалинах, в той же его части, которая устояла перед губительным воздействием времени,*

запустение выглядело еще ужаснее. Мощные зубчатые стены, густо оплетенные плющом, наполовину обрушились и стали прибежищем хищных птиц. Гигантские обломки восточной башни валялись вокруг в высокой траве, едва колебимой легким ветерком. «Чертополох главой качал, и мох шептался с ветром». [6:126].

Для описания аббатства Э. Рэдклифф использует неизменные атрибуты «готического» антуража – распад и тлен. Руины символизируют победу вечной Природы над созданиями человека, напоминают о бренности всего сущего. Упомянутые плющ и чертополох создают атмосферу запустения и хаоса. Эти растения довершают распад неорганической природы, придают картине особую живописность.

2. Использование в «готическом» тексте образов, мотивов, сюжетов других видов искусства – музыки и живописи («готические» романы Э. Рэдклифф, «Монах» М.Г. Льюиса).

Все виды синкретической интертекстуальности находят свое развитие в «готических» романах Э. Рэдклифф. Описывая главную героиню «Романа в лесу», писательница показывает ее как личность с богатой интеллектуальной и духовной жизнью. Юная Аделина наделена разнообразными талантами: она сочиняет стихи, поет, играет на лютне, занимается рисованием, иностранными языками. Рэдклифф создает образ идеальной сентиментальной героини, тонкая и чувствительная душа которой особенно восприимчива к музыке, поэзии, живописи: *«Опять зазвучала музыка – музыка, похожая на волшебный сон, – и постепенно девушка опять подпала под ее светлую магию»* [6].

3. Включение в «готический» текст описания снов («Замок Отранто» Х. Уолпола, «Убежище» С. Ли, «готические» романы Э. Рэдклифф, «Монах» М.Г. Льюиса). Сны героев в «готическом» произведении являются не просто эффектным изобразительным приемом, но и способом связи творческой фантазии автора с реальной жизнью. В них «предсказывается» ужасное будущее, они помогают автору объективно изобразить определенную ситуацию из жизни героев и в иносказательной форме раскрыть их внутренний мир. Функция сновидений в литературной «готике» не исчерпывается только внезапным разъяснением сверхъестественного плана сюжета, а, как правило, заключается в изображении вещего или пророческого сна героя, в котором предвосхищаются неожиданные повороты судьбы.

В романе М.Г. Льюиса «Монах» сны видят разные герои: *«Ей [Эльвире] привиделся страшный сон. Антония, трепеща, наклонялась над краем пропасти и, казалось, вот-вот упадет в бездну. <...> Эльвира пробудилась в ужасе. Под впечатлением сна она решила встать и удостовериться в том, что ее дочери ничто не угрожает»* [7]. Для писателя

это интертекстуальное включение, позволяющее показать как страхи матери за дочь, мучившие ее во сне, не обманули наяву.

4. Включение в «готический» текст описания магических ритуалов («Монах» М.Г. Льюиса). Сцена колдовства, живописно представленная М.Г. Льюисом в «готическом» романе «Монах», является скорее плодом его авторской фантазии, нежели проявлением каких-либо знаний по черной магии. Автор не только умело использует и шекспировские, и бекфордовские приемы изображения «готических» событий, традиционный арсенал «ужасов и тайн», но и развивает и «оживляет» традиционную поэтику за счет эстетизации ужасного и отталкивающего. «Готическая» атмосфера создается через подробное описание деталей внешнего, вещного мира, изображение магического антуража и действий суккуба.

Льюис, обладающий выразительным драматургическим талантом, создает панорамную театральную сцену. На первом плане сначала находится женщина-суккуб Матильда, совершающая колдовской обряд. Она очерчивает магические круги перед собой и Амбросию, окропляет землю фиалом и шепчет заклинания. Неожиданно из земли вырывается бледное сернистое пламя, которое мгновенно разрастается. Матильда достает из корзины три человеческих пальца, восковой диск с изображением Христа и агнца. Затем она будто впадает в безумие: рвет на себе волосы, бьет в грудь, размахивает руками и режет кинжалом свою левую руку. Из окровавленной ею земли опять появляется пламя, клубы черного дыма, слышен гром, и происходит землетрясение. После светопреставления Матильда громко провозглашает появление Люцифера: «*Он грядет!*» [7:218].

Представленные в литературной «готике» разнообразные типы текстовых и художественных взаимодействий позволили выявить специфические особенности синкретической интертекстуальности и сделать следующие выводы:

1) синкретический тип интертекста в «готических» произведениях служит средством объективизации архитектурного топоса и способствует отражению временного параметра хронотопа;

2) литературная «готика» заимствует средства выражения музыки; уподобляет словесный текст той или иной музыкальной форме и структуре, подражает в «готическом» тексте технике музыкальной композиции (контрапункт, лейтмотив) или типовым формам (рондо, тема с вариациями); стремится воссоздать музыкальный художественный мир, передать специфику музыкального переживания;

3) в «готическом» произведении в изображении живописного полотна (портрета, пейзажа) происходит заимствование литературным языком техник и приемов языка

живописи. Интертекстуальное взаимодействие происходит сразу на двух уровнях – и на уровне смысла, и на уровне формы;

4) для писателей-«готиков» сон – это литературный прием, посредством которого можно легко переносить своего героя и читателя в иную действительность. Сон служит сюжетообразующим элементом, неожиданным разъяснением сверхъестественного эпизода, позволяет раскрыть характер героя или героини во всей его сложности, способствует проникновению в глубинные уголки души героев, может стать вещим предсказанием будущего, пророчеством, восстановить события прошлого, может быть использован в качестве иносказания или аллегии;

5) описание магических действий и ритуалов в некоторых «готических» текстах носит изобразительный характер, имеет лишь косвенное отношение к магической практике и явно зависит от традиции литературной «готики» с ее психологическим нагнетанием страха и ужаса.

Таким образом, синкретическая интертекстуальность в узком смысле представляет собой особую разновидность внутритекстовых взаимосвязей в «готическом» тексте, основанную на взаимодействии языков разных искусств. В широком смысле синкретическая интертекстуальность – это создание единого полихудожественного пространства в системе «готической» традиции.

Список литературы

1. Арнольд, И. В. Читательское восприятие интертекстуальности и герменевтика // Интертекстуальные связи в художественном тексте. Межвузовский сборник научных трудов. – СПб.: Образование, 1993. – С. 4 – 12.
2. Ханзен-Леве, О. Поэтика ужаса и теория «большого искусства» в русском символизме// Сборник статей. – Тарту, 1992. – С. 322 – 331.
3. Прохорова, Л.П. Интертекстуальность в жанре литературной сказки: на материале английских литературных сказок: дис. ...канд. филол. наук. – Кемерово, 2002. – 218 с.
4. Ханзен-Леве, О. Русский формализм/ О. Ханзен-Леве. – М., 2001. – 672 с.
5. Бёрк, Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного: [Пер. с англ.] / Э.Бёрк. – М., 1979. – 237 с.
6. Рэдклифф, А. Роман в лесу./А. Рэдклифф. – М.: Ладомир, 1999. – 315 с.
7. Льюис, М.Г. Монах. Роман:/ М. Г. Льюис. – М.: Ладомир, 1993. – 384 с.

**СЕКЦИЯ №14.
ФОЛЬКЛОРИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.09)**

**СЕКЦИЯ №15.
ЖУРНАЛИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.10)**

ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.00)

**СЕКЦИЯ №16.
РУССКИЙ ЯЗЫК (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.01)**

**ФРАЗЕМЫ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
КАК ИНОСТРАННОГО НА ПРОДВИНУТОМ ЭТАПЕ**

Мирошникова М.Г.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

В практике обучения иностранцев грамматике неродного языка на продвинутом этапе особого внимания заслуживают маркированные единицы языка, несущие на себе различные экспрессивные и стилистические функции. К подобным построениям можно отнести многочисленную группу синтаксических конструкций, получивших в современном языкознании термин конструкции фраземы - фразеологизированные синтаксические структуры.

Проблемам синтаксической фразеологии посвящено значительное число исследований, начиная с классических трудов В.В.Виноградова, Шведовой Н.Ю. и заканчивая теоретическими исследованиями, ориентированными на создание формальных моделей языка. Если на уровне лексической фразеологии вопрос отнесенности той или иной единицы языка к ФСФ фразеологии изучен достаточно хорошо, то всё, что касается фразеологизации синтаксических структур, до сих пор остается нерешенной проблемой. Об этом свидетельствует и отсутствие единой точки зрения на определение типизированных устойчивых высказываний разговорной речи: «нечленимые предложения», «диалогические реакции», «фатически – регулятивные синтаксические фразеологизмы».

С позиций преподавания грамматики в иностранной аудитории наибольший интерес вызывают синтаксические фраземы, содержащие вопросительные местоимения (или К-слова), этимологически связанные со сложным предложением (*ест что попало, мало кому надо, редко кто делает, смотря куда и др.*). Восходя генетически к

подчинительной части сложноподчиненных предложений,, анализируемые модели в процессе сжатия переходят в структуру простого предложения, где в результате трансформации местоименные наречия *куда, где и др.*, а также местоименные слова *кто, что, какой* во вновь образованных структурах теряют своё первичное значение и выступают в новой для себя функции: становятся основой всей фразеологизированной синтаксической конструкции, сближая последнюю со словом [4].

В зависимости от передаваемого содержания структуры с вопросительными словами могут замещать синтаксическую позицию любого члена предложения, в том числе и главного. Но в большинстве случаев выполняют роль второстепенных членов предложения (определения, обстоятельства и др.): *пить бог знает какую чашку кофе; есть что хочешь и где хочешь.*

Важно подчеркнуть, что конструкции с безличными глаголами, в подавляющем большинстве построений включают в себя глаголы в форме настоящего времени, что связано с процессом нейтрализации реальных значений времени и модальности. Значения лица, времени, наклонения сохраняются лишь формально. Даже в ситуации актуализации временных значений в глаголах временных значений следует, вздумается, придётся, попало не сохраняется их первичное значение: *буду заниматься чем придётся, кормилась как и где придётся.* Потеря внутреннего содержания позволяет говорить о лексикализации рассматриваемых конструкций и переходе их во фразеологизированные синтаксические построения. Фраземы отличаются устойчивостью и воспроизводимостью, однако число постоянных компонентов в этих построениях строго ограничено. Все компоненты в данных структурах расположены в определенном порядке, который практически никогда не подвергается перестановке: личный/безличный глагол или модальный компонент и в постпозиции к-слово.

Особого внимания заслуживают трёхкомпонентные модели, состоящие из слова «сколько», модального компонента и глагола в форме инфинитива несовершенного вида. Подобные структуры, в отличие от проанализированных выше, не являются членами предложения, а выступают в роли самостоятельных высказываний: *Сколько можно ждать! Сколько надо повторять!* В подобных единицах разговорной речи, ведущую роль играет интонация, и именно интонация является основным средством коммуникативного значения высказывания.

В особую группу сложности хотелось бы выделить построения с лексемой «хоть» (*хоть кто, хоть куда, хоть кричи и многие другие*), несущей на себе имплицитное или эксплицитное указание на предел чего-либо. Структурно все модели с «хоть» делятся на 2 большие группы.

1. Построения с частицей ХОТЬ и вопросительными словами можно отнести к довольно большой группе синтаксических фразем - классу идиоматических конструкций, содержащих вопросительные местоимения. В рассматриваемую группу входят многочисленные конструкции с наречиями *мало, много, редко* и уступительными союзами *хоть, лишь бы, абы*, в которых вопросительное слово всегда занимает конечную позицию. Семантика подобных фразем, сближаясь с лексемой «любой», связана со значением «безразличия» и может в большинстве случаев характеризоваться отрицательной направленностью (*хоть куда иди, купи хоть что, возьми хоть сколько*).

2. Синтаксические модели с «хоть» и глаголом в форме императива традиционно рассматриваются с позиций уступительных отношений. Уступительность, являясь наряду с «целью, причиной, условием», по определению Апресян, «системообразующим смыслом» [2, С. 40] во многих исследованиях и связывается как с семантическим разнообразием лексических компонентов, входящих в уступительные конструкции, так и с самим толкованием понятия «уступка». Исследования последних десятилетий, посвященные уступительным синтаксическим структурам, по верному замечанию Апресян, указывают, на явное несоответствие между термином и языковой реальностью, которое во многом объясняют историей изучения понятия «уступительности» и отнесением данного понятия к риторике [2, С. 40].

С позиций преподавания РКИ можно говорить о двух семантических моделях предложений с лексемой «ХОТЬ» - невозможности осуществления желания и интенсификации ситуации через преувеличение.

а) Уверенность говорящего в том, что желательная ситуация невозможна или не будет реализована ни при каких условиях. В большинстве случаев присутствует так называемое «риторическое преувеличение», при этом в главном предложении практически всегда содержится отрицание (или частица НЕ, или слова с семантикой отрицания *бесполезно, без толку*): *Ничего не получится, хоть плачь; бесплатно отдай, хоть умри; хоть сто раз скажи, всё без толку*.

б) Если же в главное предложение включено модальное слово, глагол в форме повелительного наклонения или в форме будущего времени, то говорящий выражает уверенность в необходимости получения результата, даже если придётся предпринять сверхусилие для его достижения: *Работу надо закончить, хоть всю ночь сиди! Хоть умри, а сделай*.

Следует отметить, что подобные модели предложений с «хоть» достаточно быстро усваиваются студентами-иностранцами благодаря синонимическим вариантам предложений со значением уступки посредством взаимозамены на *даже если, несмотря*

на то что. Если в рассмотренных выше императивных конструкциях глагол может употребляться как в единственном, так и во множественном числе, то во фразеологизмах (структурах, не допускающих лексической и грамматической вариативности) – только в единственном.

Для понимания семантического значения синтаксических фразеологизмов с «ХОТЬ» важны не только значения входящих в него лексем, но и «смысловые ориентиры контекста», которые помимо информации начинающей смысловой фрагмент и атрибутивного предиката, выраженного фразеологизмом, часто дополняются аргументацией, подтверждением или необходимостью определенной реакции на ситуацию. Так, например, *Вечером будут гости! Дома – шаром покати. Есть нечего! Надо бы купить что-нибудь по дороге.* Следует отметить, что в большинстве ситуаций, включающих фразеологизмы, которые указывают на интенсификацию определенного признака, такие как *хоть глаз выколи, хоть шаром покати*, сам признак, как правило, присутствует в контексте высказывания, что облегчает понимание и запоминание данной модели: *Накурено хоть топор вешай, темно хоть глаз выколи, пусто хоть шаром покати.*

Описываемые конструкции «малого синтаксиса» относятся к разговорному стилю речи и являются яркими средствами эмоционально-экспрессивной экспликации коммуникативного смысла» [4, С. 56], а именно – передачи различных субъективно модальных значений таких, как согласия/несогласия, удовлетворения, безразличия, одобрения/неодобрения, раздражения, непонимания и многих других. Будучи носителями языка, мы интуитивно правильно используем ту или иную маркированную единицу, опираясь на фоновые коннотативные знания, которых нет у студентов – иностранцев.

Изучение фразем, их структурных особенностей, синтаксической функции и семантического наполнения, использование в процессе преподавания синонимических рядов позволяет не только приобрести более глубокие знания грамматики и лексики современного русского языка, но и сформировать навыки правильного стилистического употребления тех или иных разговорных элементов.

Список литературы

1. Апресян В.Ю. Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. Дис. на соиск. уч. степени докт. фил.наук. М.2014. – 637с.

2. Иодмин Л.Л. Конструкции малого синтаксиса// Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря/Отв. ред. Ю.Д. Апересян. – М.: Языки славянских культур, 2010. С. 120 – 153.
3. Меликян В. Ю. Современный русский язык//Синтаксическая фразеология: учеб. пособие. – М.: Флинта, 2014. – 232 с.
4. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи//РАН Институт русского языка – М.: Азбуковник, 2003 – 378 с.

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ СРАВНЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ПЕЧАТНЫХ СМИ

Хорошилова С.В.

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

Изучению сравнения в различных видах текстов посвящены множество научных работ. Так М. И. Черемисина рассматривает сравнение как конструкцию, разработкой вопроса о способах эксплицитного и имплицитного выражения сравнения в русском языке занимается Т. А. Тулина. Большое внимание в современной науке уделяется разработке теории метафоры, а именно проблеме разграничения сравнения и метафоры. Это направление отражено в работах Н. Д. Арутюновой и Д. Дэвидсона. Сравнение также изучается как основа поэтической образности и источник происхождения тропов.

Нами были изучены различные словарные дефиниции, дающие нам представление о *сравнении*, а также близкие к нему и смежные с ним понятия. Исходя из материала таких словарей, как Малый академический словарь, Словарь-справочник лингвистических терминов Д. Э. Розенталя и М.А.Теленковой, а также «Словаря лингвистических терминов» Т.В. Жеребило, нами было выведено общее рабочее определение.

Сравнение – понятие большей или меньшей степени качества предмета, предполагает однородность сопоставляемых категорий; может быть построено на сопоставлении, противопоставлении, а также может быть представлено рядом сравнений, характеризующих различные качества предмета.

Говоря о соотношении сравнения с другими средствами языка, необходимо отметить важное место сравнения в системе изобразительно-выразительных средств. В «Поэтике: словаре актуальных терминов и понятий» указывается, что сравнение принадлежит к метафорическим тропам, в которых признаки одного предмета переносятся на другой на основании какого-либо сходства между ними. К этой группе

относится сама метафора, сравнение, олицетворение, аллегория, метафорическая перифраза. Выделяются переходные типы между полным сравнением и чистой метафорой, а также подтипы для некоторых из них.

Наиболее аналитическим из метафорических тропов является полное сравнение, включающее в себя субъект сравнения, объект сравнения и сравнительную частицу (*Подобно тигру, жизнь когтями тело рвет*).

Следующим переходным типом является сравнение, выраженное творительным падежом. Оно, подобно полному сравнению, имеет два члена: субъект и объект, которые переходят друг в друга, но не имеют сравнительной частицы. Такое сравнение, по мнению ученых, является отражением мифологического сознания человека, нередко его также называют творительным превращением или метаморфозы (*Радость ползет улиткой*).

Другой переходный тип – сравнение, выраженное родительным падежом (генитивное сравнение или сравнение-метафора) также имеет только субъект и объект сравнения, и приближается к метафоре. Это наиболее молодой из типов сравнения (*Бежал со скоростью ветра*).

Чистая метафора по своей структуре одночленна, в ней присутствует только объект сравнения, но опущен его субъект. Этот троп представляет собой скрытое сравнение, основанное на сходстве далеких друг от друга понятий (*Луна будет улыбаться весь вечер*).

Исследователи выделяют несколько разновидностей метафоры, к которым относятся *метафорическая перифраза, олицетворение, аллегория*. Кроме того, отдельно стоит сказать о *фразеологизмах*, которые являются важным экспрессивным средством языка и используются как готовые образные определения, сравнения, эмоционально-изобразительные характеристики не только героев, но и окружающей действительности [3, с. 278-263].

Исходя из материала данных словарных статей, очевидно, что сравнение – неоднородное понятие, реализующееся на разных языковых уровнях, что связано с разнообразием его форм. Рассмотрим, в каких формах используется сравнение в современных газетных изданиях.

В XX веке в литературе в целом появляется тенденция использования приемов газетного текста, что отражается и в художественной литературе. Сами же тексты СМИ тоже претерпевают изменения: характерно усиление разговорного начала, упрощения языкового материала, доминирование экспрессивного семантического компонента, отражающегося в специальной лексике, активном использовании средств языковой выразительности, объемном цитировании прецедентных текстов. Использование таких

приемов пробуждает читательский интерес, делает информацию более доступной и запоминающейся.

Выразительность текста достигается различными способами: яркие заголовочные комплексы, использование тропов, фигур, риторических вопросов и восклицаний, частое цитирование, а также использование сленгов, жаргонизмов, просторечий, нередко и табуированной лексики. Усиление того или иного компонента вызывает отклик у разной читательской аудитории (возрастной и профессиональной), на которую и был нацелен материал.

Для выявления основных средств выражения сравнения в текстах СМИ мы обратились к ряду периодических изданий. Используя метод сплошной выборки текста, мы вычленили единицы служащие основой нашего исследования и разделили их на несколько групп.

Первой группой наиболее часто распространенных сравнений в газетных текстах являются **степени сравнения** прилагательных и наречий. Эти единицы являются наиболее нейтральными по своей семантике и придают тексту непринужденность разговорной речи, что характерно для публицистического стиля.

Приведем примеры таких единиц:

«стали *меньше*»; «все *больше* тех, кто проходит реабилитацию»; «встречаются *чаще*»; «*все плохо и будет еще хуже*»; «*самую страшную* зиму»; «отец уехал *раньше* с театром»; «что *лучше*: жить бедно или наоборот, быть богатыми...»; «*лучше* дать возможность»; «..мы *умнее* и даже *спокойнее*»; «*сейчас* курс рубля, *раньше* – курс партии и правительства»; «Почему зло *интереснее* добра?»; «*самые известные* пословицы»; «Худой мир *лучше* доброй ссоры»; «были *самыми удачными*»; «*больше и лучше* работать»; «было *больше*, чем в прошлом»; «поводов для оптимизма все *больше*»; «надо давать *меньше* поводов для нападок»; «наш слон – самый лучший и красивый» [5].

Среди степеней сравнения прилагательных и наречий в газетных текстах можно выделить подгруппу, в которую мы относим особые формы превосходной степени (грамматически используются просторечные формы при сохранении семантики превосходной степени):

«получали по *масенькому-масенькому* кусочку»; «больные и *совершенно беспомощные* люди»; «*много-много денег*»; «наше время не *самое сложное*»; «прислушиваться надо *почаще*».

Стоит выделить группу **сравнительных оборотов** со значением одинаковой степени качества, в которых используются служебные слова *как, словно, будто, точно, ровно, чем, ... тем*:

«СМИ как воды в рот набрали»; «Пока такие ограничения чиновникам, что слону дробинка»; «Новый год надо встречать, как студенты»; «Народная масса» - словосочетание ужасное, эдакое аморфное тело»; «Говорят, что такие фото, словно чудотворные иконы»; «Повели себя как арктический страус» [5].

Отдельно стоит сказать о группе **развернутых сравнений**, нередко перерастающих в целые **предложения**:

«Это гранаты и звери бывают ручными, а управление – эффективным»; «Нотюрма – не зоопарк»; «С одной стороны нелегко, конечно, а с другой – Бог дает нам силы даже в немоги»; «Демократия – это не картошка, ее нельзя бросить в землю – и она прорастет» [5].

Творительный сравнения:

«бегать тайком»; «песок и щебень машинами уходят налево» [5].

Метафора (скрытое сравнение) сопряженное нередко с олицетворением или иносказанием:

«конный спорт захромает»; «керлинг ускользнет»; «борьба завязала нашу жизнь в узелок с бантиком»; «такое количество паразитов в партии развелось»; «кукловоды, спланировавшие атаки»; «фонтанируют идеями»; «людоедский характер»; «дно уже достигнуто (последствия кризиса)» [5].

Для газетных текстов характерна стандартизация и экспрессивность повествования, поэтому использование всевозможных видов сравнения позволяет усилить информационное воздействие на читателя. Сравнение является мощным средством объяснения, доказательства и убеждения, выражает авторские установки и задачи. Использование разнообразных видов сравнения вызывает литературные, культурные, исторические, мифологические ассоциации, что делает газетный текст более ярким и запоминающимся, отражающим злободневные проблемы читателя.

Список литературы

1. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов 3 -е изд., испр. и доп. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 486 с.
2. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов Пособие для учителя. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
3. Тмарченко Н.Д. (ред.) Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий М.: Изд-во Кулагиной, 2008. – 358 с.
4. Тулина Т. А. О способах эксплицитного и имплицитного выражения сравнения в русском языке. – Филологические науки. – 1973. – № 1. – С. 51-62.

5. Интернет-источник. Газета «Аргументы и факты». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.aif.ru/>
6. Интернет-источник. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А – Й. – 702 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm>

ОТФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕРИВАТЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ван Цзинхуэй

Московский педагогический государственный университет, г. Москва

Словообразование – один из самых подвижных уровней языковой системы. Его динамичность проявляется в новых деривационных процессах, среди которых особо выделяется отфразеологическое словообразование – развивающееся в современном русском языке явление, которое заметно активизировалось в последние годы. Фразеологизмы русского языка являются богатым источником для пополнения и обновления лексического фонда, и нередко выступают в качестве производящей базы. Отфразеологические дериваты представляют собой «слова, которые находятся в отношениях формально-структурной и семантической производности с производящим фразеологизмом». [1, с. 5] Например, *белибердоносец (нести белиберду)*, *небокоптитель (коптить небо)*, *носозадирательница (задирать нос)*, *злободневный (злоба дня)*, *спустярукавный (спустя рукава)* и др. Лингвисты пытались создать словарь отфразеологической лексики. В 2003-ем году вышел «Словарь отфразеологической лексики современного русского языка», который является основной материальной базой нашего исследования. В этом словаре зафиксировано 1045 дериватов, однако этот список является неполным: далеко не все слова, образованные на базе фразеологических единиц, в словаре зафиксированы и не все мотивирующие единицы, рассматриваемые в нем, являются фразеологизмами.

Отфразеологические дериваты часто встречаются и в сфере художественных произведений и в сфере СМИ, а также в разговорной речи. Большинство их отмечается в художественных произведениях и обладает высокой степенью экспрессивности.

Например:

НЕБОКОПТИТЕЛЬ. Тот, кто коптит небо. <мотивирующий фразеологизм – НЕБОКОПТИТЬ. Жить бесцельно, без пользы для других; не делать ничего полезного. > [1, с. 199]

- *Скажи, кого из героев Гоголя следует считать типом **небокоптителя**? Я отвечал, что у Гоголя все герои – **небокоптители**, кроме типа Тараса Бульбы, который все-таки кое-что сделал согласно своим идеям.* [В.А. Каверин, Два капитана (1944)]

ПЕНКОСНИМАТЕЛЬ. Тот, кто снимает пенки. <мотивирующий фразеологизм – **СНИМАТЬ ПЕНКИ.** Брать себе самое лучшее, наиболее выгодное, не участвуя в труде, пользуясь плодами чужого труда.> [1, с. 232]

- *Хорош **пенкосниматель-простец**, но ученый **пенкосниматель** – еще того лучше.* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Дневник провинциала в Петербурге (1872)]

Отфразеологические дериваты встречаются и в публицистических произведениях. Например,

ШАПКОЗАКИДАТЕЛЬСТВО. Необоснованная и легкомысленная уверенность в том, что шапками закидаем, в возможности легкой победы. <мотивирующий фразеологизм – **ШАПКАМИ ЗАКИДАТЬ.** Легко и быстро победим, одолеем. Хвастливое уверение, бахвальство.> [1, с. 367]

- *Главный тренер россиян хоть и дал отдохнуть основному голкиперу Шестеркину, отправив дебютировать Ивана Бочарова из ХК МВД, за **шапкозакидательство** грозил сажать в запас.* [Кирилл Беляков. Раздавили танком... Российские юниоры разгромили Латвию на чемпионате мира // Советский спорт, 2013.04.22]

БАКЛУШНИК. Тот, кто бьет баклуши. Бездельник. <мотивирующий фразеологизм – **БИТЬ БАКЛУШИ.** Праздно проводить время, бездельничать.> [1, с. 37]

- *Но прежде чем перейти к ним, обратимся к Владимиру Далю, чтобы выше приведенная шутка не уводила кого-то от истины: "имон—это шляла, шленда, шатун, **баклушник**, подворник".* [Игра слов': 18-й тур // Комсомольская правда, 2007.09.07]

БЕЛОБИЛЕТНИК. Тот, кто имеет белый билет, будучи освобожденным от воинской службы. <мотивирующий фразеологизм – **БЕЛЫЙ БИЛЕТ.** Документ об освобождении от военной службы по состоянию здоровья.> [1, с. 49-50]

Существуют и отфразеологические дериваты, которые употребляются в разговорной речи. Например,

ГОРЕМЫКА. Тот, кто горе мыкает; неудачник, испытывающий всевозможные беды, горе < мотивирующий фразеологизм – **ГОРЕ МЫКАТЬ.** Подвергаться жизненным невзгодам.> [1, с. 96]

- *Эх ты/**горемыка**. Хозяина ждешь. А здесь ведь не больница/ а скорая помощь.*

[Из разговорной речи водителя в фильме «Белый Бим Черное ухо». (1977)]

Важно отметить, что некоторые отфразеологические дериваты созданы писателями и представляют собой индивидуальные авторские новообразования. Отфразеологические дериваты не только служат для номинации реалий действительности, но и характеризуются разговорной и просторечной стилистической окраской, придают речь особую выразительность и экспрессивность.

Распространение отфразеологических дериватов в русском языке создают китайским русистам большие затруднения при чтении художественных произведений и газет, при слушании радиопередач и при просмотре телепрограмм на русском языке. Следовательно, мы, китайцы, изучающие русский язык, должны изучать живые процессы в русском языке и анализировать способы образования дериватов.

По мнению Д.Ш. Харанутовой, классификация способов образования слов может быть применена и к процессу образования слов от фразеологических единиц [3, с. 133-134]. На основе классификации способов словообразования, предлагаемой Н.А. Николиной, можно разделить собранные нами отфразеологических дериватов (225) на три группы: производные аффиксальные, безаффиксные и смешанные.

Среди них наиболее продуктивным способом образования отфразеологических дериватов в современном русском языке является сочетание **сложения с суффиксацией** (33% от общего количества дериватов). Например, *злободневный* (*злоба дня*), *бумагомарание* (*марать бумагу*), *ваньковаляйство* (*валять ваньку*), *велосипедоизобретательство* (*изобретать велосипед*), *вороносчитатель* (*считать ворон*) и т.д.

Другая наиболее распространенная группа отфразеологических дериватов – это производные слова, которые образуются с помощью **суффиксации** (23%). Например, *аллилуйный* (*петь аллилуйю*), *баклушник* (*бить баклуши*), *блезирничать* (*для блезира*), *болтун* (*болтать языком*), *дармоедка* (*даром хлеб есть*), *дрейфовать* (*лечь в дрейф*) и т.п.

Префиксально-суффиксальный способ также активно используется при образовании отфразеологических дериватов (15%). Например, *безбашенный* (*без башни*), *дословный* (*до слова*), *дофенизм* (*до фени*), *объярлычить* (*наклеивать ярлыки*), *побарабаничик* (*по барабану*), *подкаблучник* (*под каблуком*) и другие.

Кроме того, в русском языке некоторые отфразеологические дериваты образуются посредством **сложения и нулевой суффиксации** (8%). Например, *беловороний* (*белая ворона*), *блюдолиз* (*блюда лизать*), *водолей* (*лить воду*), *дармоед* (*даром хлеб есть*), *душегуб* (*губить душу*) и т.д. Ряд дериватов образован **сращением с суффиксацией** (8%), например, *кабычегоневышлизм* (*как бы чего не вышло*), *мояхатакрайщик* (*моя хата с*

краю), *навсенаплеватель* (на все наплевать), *неотмирасевосенька* (не от мира сего), *очертяголовничать* (очертя голову) и т.д.

Сравнительно редко встречаются слова, возникающие в результате чистого сращения, чистого сложения, префиксального и других смешанных способов. Не используются в сфере образования отфразеологических дериватов аббревиация, усечение и конверсия.

В речи встречается наблюдается ряд однокоренных дериватов, образованных на базе одного фразеологизма. Например, *снимать пенки*→*пенкоснимание*, *снимать пенки*→*пенкоснимательство*, *снимать пенки*→ *пенкосниматель*→ *пенкоснимательский*. Эти дериваты образуют особый тип гнезда – отфразеологическое гнездо. Вершиной гнезда в данном случае является фразеологизм. Приведем другой пример отфразеологического гнезда: *считать ворон*→*воронить*→*проворонить*→*проворонивать*, *считать ворон*→*вороносчитатель*. Вершиной гнезда здесь выступает субстантивный компонент фразеологизма – *ворона*. Таким образом, отфразеологическое гнездо – это объединение дериватов, образованных на базе фразеологических единиц. Вершина такого гнезда представляет собой или один компонент фразеологизма или целый фразеологизм, а все остальные производные образованы на базе вершины и их семантика формируется на базе ее значения.

Итак, отфразеологическое словообразование в последнее время становится одним из активнейших способов пополнения лексического фонда, деривационной базой для отфразеологических дериватов служат фразеологизмы. Такие дериваты часто встречаются в разных типах текстов. Отфразеологические дериваты образуются в современном русском языке разными способами, наиболее часто используются такие способы, как сложение с суффиксацией, суффиксальный способ, префиксально-суффиксальный способ и сращение с суффиксацией. Отфразеологические дериваты входят в состав словообразовательных гнезд, вершиной которых является фразеологизм. В таких гнездах отражаются словообразовательные связи и взаимоотношения между всеми отфразеологическими дериватами.

Список литературы

1. Алексеенко, М.А., Белоусова, Т.П., Литвинникова, О.И. Словарь отфразеологической лексики современного русского языка / М.А. Алексеенко, Т.П. Белоусова, О.И. Литвинникова. –М.: Азбуковник, 2003. –400 с.
2. Николина, Н.А., Фролова, Е.А., Литвинова, М.М. Словообразование современного русского языка / Н.А. Николина, Е.А. Фролова, М.М. Литвинова. – М.: Академия,

2005. – 159 с.

3. Харанутова, Д.Ш. Образование слов на базе фразеологизмов в бурятском языке: к постановке проблемы. / Д.Ш. Харанутова // Евразийский фронт: проблемы взаимодействия культур в многонациональном обществе: сб. науч. ст. – Улан-Удэ, 2012. –С. 133-134.

**СЕКЦИЯ №17.
ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ)
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.02)**

**СЕКЦИЯ №18.
СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.03)**

**СЕКЦИЯ №19.
ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.04)**

**СЕМАСИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СИНОНИМИЧЕСКОГО
РЯДА АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ *TO FOLLOW, TO CHASE, TO PURSUE, TO TRACE***

Амирова О.Г., Дуйнамалиева Э.С.

Башкирский Государственный Педагогический Университет имени Акмуллы,
г. Уфа

Главной проблемой лингвистической семантики является проблема языкового значения в его отношении к мышлению, внеязыковой действительности и другим значениям в лексико-семантической системе языка [Шафиков 1999: 1].

Если рассматривать языковую систему в целом, то она находит себя в плане выражения, в то время как конкретно лексико-семантическая система – в плане содержания. План выражения и план содержания - это две самостоятельные, независимые друг от друга субстанции, не обладающие неразрывным единством, ибо формы и значения языковых единиц в нашем сознании хранятся отдельно. Поэтому семантическую систему языка можно рассматривать отдельно от языковой системы как некую содержательную систему представления знаний. Еще в 1965 русский языковед Карцевский высказал идею асимметричного дуализма языкового знака. По его мнению, обе стороны языковой единицы (означающее и обозначаемое) не являются неподвижными, то есть соотношение между ними неизбежно нарушается. Это значит, что постепенно изменяется как звуковой

облик языковой единицы, так и её значение, что приводит к нарушению первоначального соответствия [Залевская 1990]. Таким образом, вопреки традиционному для отечественной лингвистики представлению, неразрывная связь означающего и означаемого в естественном языке отсутствует и может пониматься только в функциональном плане, т.е. в смысле репрезентации языкового значения внешней формой.

В отличие от плана содержания, связанного с опытом через «мыслительные структуры ума» и поэтому принципиально общего для всего человечества, план выражения, вообще говоря, произволен и варьируется так же, как варьируются различные средства достижения одной цели [Шафиков 1999: 2]. На базе семантической модели гораздо легче объяснить употребление языка, поэтому семантическая структура языка есть его главный компонент, и главной единицей языка следует признать не само слово, а именно его *значение*. Отсюда следует вывод, что основной задачей современной лингвистики является изучение семантики языковых форм в их взаимных структурных отношениях и связях, а не типология самих форм и моделей их функционирования.

В современной лингвистике проблема определения значения слова является ключевой и широко освещается в трудах таких лингвистов, как В.В. Елисеева, представляющая синонимию «как частичное совпадение значений языковых единиц при сохранении различий в смысловых оттенках и стилистической окраске» [Елисеева, 2003: 24], В.Г. Вилюман, который определяет синонимы как «лексические единицы, обладающие хотя бы одним общим и одним различным компонентом семантическим компонентом, имеющие хотя бы одну общую формулу дистрибуции и совпадающие в сочетаемости и, следовательно, взаимозаменяемые в одном контексте и невзаимозаменяемые в другом» [Вилюман, 1978: 25], И.В. Арнольд, которая под синонимами видит слова, в которых «закрепляется более тонкая дифференциация понятий, уточнение признака или степени признака понятия, нюансы отношения говорящего к предмету речи» [Арнольд 2012: 291], Е.Г. Белявская [Белявская, 1987], О.Н. Селиверстова [Селиверстова 1975] и др.

Один и тот же предмет или действие может иметь разные названия («преследовать» - *to pursue, to follow, to chase, to trace.*); единое понятие может быть выражено одним или несколькими словами («преследовать» - *be/come/run/make after, wild goose chase, to be on the track of*), в разговорной речи может выражаться в иной форме (*to ghost, to dog, to bay*), в одном слове может скрываться уточнение деталей («преследовать в судебном порядке» - *to implead*, «преследовать с целью нанести вред» - *to victimize*). Слово выступает как носитель разных видов информации.

Исследование синонимии, несмотря на продолжительную историю изучения в разных парадигмах лингвистического знания и осмысления, до настоящего времени проводилось с различной степенью интенсивности и результативности преимущественно в рамках одного, отдельно взятого уровня языка. Существуют различные подходы к классификации синонимов. Данной проблеме посвящены исследования таких лингвистов, как В.Г. Вилюмана, Л.М. Васильева, С. Ульмана, Г.Б. Антрушиной, В.В.Виноградова и др.

Лингвистический энциклопедический словарь классифицирует синонимы следующим образом. По степени синонимичности (близости значений и способности замещать друг друга) синонимы делятся на полные (абсолютные), полностью совпадающие по своим значениям и характерной сочетаемостью, и частичные, которые только частично совпадают по значению и употреблению. В соответствии с выполняемыми функциями синонимы подразделяются на семантические (идеографические), выражающие общее понятие, но вместе с тем отличающиеся определенными элементами своих значений и указывающие на различную степень проявления признака и стилистические, дающие различную оценочную характеристику обозначаемого предмета. Семантико-стилистические синонимы могут совмещать обе эти функции [ЛЭС 2002].

Глагольные лексемы *to pursue*, *to follow*, *to chase*, *to trace* являются многозначными. В плане синонимии многозначное слово представляет интерес, поскольку ЛСВ (лексико-семантический вариант) одной лексемы входят в различные синонимичные ряды, которые зачастую не пересекаются. Таким образом, многозначное слово оказывается синонимом другому слову не в целом, а лишь в одном из своих значений. Целью настоящего исследования является анализ лексико-семантической структуры данных синонимов в значении «преследовать».

В рамках данного научного исследования был проведен опрос носителей языка, а именно, жителей США в возрасте от 20 до 40 лет, с целью выявления дифференциальных компонентов значения английских глаголов с частично совпадающей областью денотации: *to follow*, *to chase*, *to pursue*, *to trace*; данные единицы были рассмотрены в значении «преследовать кого-то». Результаты опроса информантов представлены ниже:

1. To follow – step or being behind someone and going after him.

To chase – to follow someone who is running from you, it is more active like children are chasing each other in the play garden; it can be used metaphorically like you are chasing a boy because you really want him.

To pursue – the verb which is closer to ‘follow’ in case of meaning ‘going after somebody’, but it also can be used instead of ‘chase’ in the example ‘to chase a boy’; also when you are pursuing someone you have a set of intention what you want to do when you catch up with them.

To trace – to follow something that is already there like steps or a line. You can’t physically trace a person. (Justice Marxer, 24, a student, Montana)

2. To follow – implies a little more sneaky. For example: you are going to follow me to the store because we were going to go together.

‘To chase’ is more aggressive. If you are chasing me to the store it means it is urgent or kind of emergency. If a stranger is chasing you to the store it is creepy and not good. So in comparison, ‘to chase’ is more urgent than ‘to follow’. For example: we were about to be late to the bus so we started chasing it.

You can’t say someone to chase you because it’s not right and it has more negative connotation.

To pursue – is less used in a sense of physical verb.

‘He followed her’ means he was just walking after her. ‘He chased after her’ most likely would be pictured like he was running after her. ‘He pursued her’ – people would think that he is after her romantically, for instance he keeps asking her for a date. ‘To pursue’ can be used instead of ‘chase’ like “The police was pursuing the suspect” but it is not very common.

To trace – to follow someone’s footsteps. But it is not a real synonym for those three words. (Justyna Rudny, 29, a model, Connecticut)

3. To follow – to go after someone who is friend of you and he is moving forward.

To pursue – to follow somebody in more focused way.

To chase – has more criminal and running implication. In comparison, ‘pursuing’ takes more time when ‘chasing’ is quicker. For example: Ninja is pursuing someone but cops are chasing the criminal.

To trace – to follow something back to someone. You are looking at what already happened and you see how it happened. You can trace somebody to find out his location for example by using mind skills. But it is not the same thing like ‘follow’, ‘pursue’ or ‘chase’. (Taylor Martin, 26, a trader, New York)

4. To follow – when you are just behind someone. You may follow your friend because you don’t know the way to the cinema for example (but you also may follow anyone else).

To chase – to go after somebody very quickly; when you try to get him as fast as possible.

‘To pursue’ is used when you have a specific goal and strategy how to get to it.

To trace – to find out the past of the person, when you want to see what happened before. For example: he traced his girlfriend to find out where she was yesterday and what she did. If your friend took your phone to check your last calls it would be tracing you.

The last word is not the synonym for those three ones. (Brian Culbertson, 32, a musician, New York)

5. To follow – to see a person and physically be behind him and go after him.

To chase – be either following or pursuing someone with high intensity.

To pursue – to go after someone with certain goal.

To trace – to follow some clues and facts that will lead you to the person. It is not so close to previous verbs. (Ira Bell, 36, an entrepreneur, Florida)

6. To follow – to walk after somebody who is leading you.

To chase – to run after someone, usually there is a hint of danger.

To pursue – close to the sense of ‘chase’ but more often it is used with positive meaning. It has more romantic things. You also may use this verb in case of ‘cops are pursuing someone’ but it is not very common.

With all these three words there is a distance that is being covered. But ‘to trace’ can’t be used in such way. (Todd Shaffer, 33, business development executive, New York)

7. To follow – walking after the person despite the direction he chooses. It is very neutral term and ‘following someone’ doesn’t mean any good or bad things.

To chase – has more aggressive manner; if you chase someone, he will most likely be concerned and scared; it is close to hunting but less intensive.

To pursue – trying to get what you really want. You may pursue a boyfriend or girlfriend.

‘To trace’ doesn’t really match to other three words because they all are connected with the object, but ‘to trace’ is about indirect object. You make trace someone to find out where he was. (David Ketchell, 33, a businessman, New York)

Таким образом, из данного опроса мы можем сделать следующие выводы. Глагол *to follow* в значении «преследовать кого-то» содержит в себе следующие компоненты: «идти за кем-то», «идти за кем-то с целью узнать путь», «идти за кем-то, кто вас целенаправленно куда-то ведет». При этом объект, за которым идет преследование, не является основной целью. Глагол *to chase* содержит компоненты: «бежать за кем-то», «срочно следовать за кем-то», «пытаться поймать кого-то». Этот глагол имеет более агрессивное значение и приближен по смыслу к глаголу *to hunt* – «охотиться». Глагол *to pursue* содержит компоненты: «преследовать кого-то с большим желанием», «следовать за кем-то по определенному плану, стратегии». Этот глагол часто указывает на романтические отношения субъектов действия, но, несмотря на то, что по смыслу он близок к глаголу *to chase*, на практике в таком значении используется очень редко. Глагол *to trace* значительно отличается от предыдущих трех синонимов, потому что не

подразумевает физическое преследование объекта. Этот глагол используется в значениях «отследить текущее местоположение кого-то», «узнать чье-либо прошлое».

Список литературы

1. Арнольд И.В. *Лексикология современного английского языка*. М: ФЛИНТА: Наука, 2012, С. 376
2. Залевская А. А. *Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование*. Воронеж, 1990, С. 208.
3. Виллюман В.Г. *Английская синонимика*. Учебное пособие для вузов. – М.: Высшая школа, 1980, С.123.
4. Залевская А. А. *Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование*. Воронеж, 1990, С. 208.
5. Елисеева В.В. *Лексикология английского языка*. СПб: СПбГУ 2003, С. 44.
6. Литвинов П.П. *Англо-русский и русско-английский синонимический словарь с тематической классификацией*, Москва, "Яхонт-А", 2002, С. 384.
7. ЛЭС. Лингвистический энциклопедический словарь под ред. В.Н. Ярцевой. М., 2002. – 286 с.
8. Карцевский С.О. *Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. (сост.). История языкознания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях, ч. 2, М., 1965, С. 465*
9. Шафиков С.Г. *Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц*. Учебное пособие, Уфа, 1999, С. 88.

ОСОБЕННОСТИ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ДОГАДКИ В ПРЕПОДАВАНИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Беляева И.Г.

Московский государственный институт международных отношений, г. Москва

В данной статье рассматривается один из аспектов языковой догадки, заключающийся в умении понять значение впервые встретившегося слова изучаемого иностранного языка, исходя из опыта родного языка или других иностранных языков, который актуален не в процессе речепроизводства, а в процессе восприятия устной и письменной речи. Наибольшую трудность для понимания у студентов МГИМО младших курсов, изучающих как первый, так и второй иностранный язык вызывают слова,

значение которых, как кажется, лежит на поверхности. В первую очередь это, как ни странно, заимствования, причём даже из английского языка. А ведь большинство студентов, обучающихся в МГИМО, приходят в ВУЗ со знанием английского языка, который они начали изучать ещё в школе.

С каждым годом количество англицизмов в немецком языке увеличивается, что должно быть «выгодно» студентам, так как процесс усвоения англицизмов, их запоминания и понимания, должен происходить гораздо легче, чем исконно немецкого вокабуляра. Однако наблюдается обратная тенденция, когда англицизм становится камнем преткновения для студентов, иногда даже единственным незнакомым словом в тексте.

Обычно на занятиях немецкого языка студенты имеют дело в первую очередь с лексическими заимствованиями, которые могут быть прямыми, смешанными, псевдоанглицизмами. Наибольшую сложность для понимания из вышеперечисленных заимствований представляют собой псевдоанглицизмы, так как их значения в английском и немецком языках не совпадают. Это, например, *Handy*, получившее в последнее время большое распространение. В английском языке *handy* имеет четыре значения: портативный, легко управляемый, имеющийся под рукой, искусный и они все не имеют ничего общего со значением, которое оно приобрело в немецком языке, трансформировавшись в существительное, хотя, безусловно, мобильный телефон, а именно это и обозначает *Handy* в немецком языке, обладает почти всеми свойствами, которые выражает английское прилагательное *handy*, то есть он портативен, почти всегда под рукой, прост в использовании.

Особую трудность вызывает лексема *Lektion*, которую студенты соотносят с созвучной в русском языке лексемой «лекция», а также в английском языке *lesson*, что не соответствует значению слова в немецком языке.

Довольно часто английские существительные трансформируются в немецкие глаголы, без потери основного значения. Такие глаголы образуются и изменяются по правилам немецкого языка. Например: *job* (англ.) - *jobben* (нем. яз); *surf*(англ.), *surfing*(англ.) – *surfen* (нем. яз).

В замешательство студентов приводят также смешанные заимствования, например, такие, как *Livesendung*, *Last –minute-Reise*, *Boomjahr*. Трудности присутствуют как при визуальном, так и при аудио восприятии данных слов, особенно при написании со слуха.

Самые явные заимствования – прямые заимствования - тоже нечасто распознаются студентами. Английские существительные *team* в значении команда, *boom*, начинают

писаться в немецком языке с большой буквы и получают артикль: *das Team, der Boom*. Причём в словаре Duden заимствование *das Team* появилось уже в 1915 году.

Достаточно большое количество слов вошло из французского языка в немецкий, сохранив французское произношение и написание, например: *Komfort, Restaurant*, в результате чего возникают почти всегда трудности при аудио визуальном восприятии данного слова и воспроизведении его на письме. При визуальном восприятии студенты первого курса, начинающие знакомиться с азами фонетики, правилами чтения часто не могут самостоятельно догадаться о значении слова *Paragei (ponyгай)*.

В немецком языке существует достаточно слов, которые во многих языках имеют схожее звучание, а также схожее написание. Это: *Auto, Kino, Autor, Sport* и они обычно не вызывают затруднений.

Языковая догадка – сложный психофизиологический процесс, немаловажную роль в котором играет апперцепция. Его исследовали не только такие известные лингвисты, как Бодуэн де Куртенэ, В. фон Гумбольдт, Ф. де Соссюр, А.А. Потбня, Л.В. Щерба, но и психологи Л.С. Выготский, А.Р.Лурия, Н.М. Жинкин, А.А. Леонтьев. Отсутствие языковой догадки свидетельствует в первую очередь об отсутствии ассоциативного мышления, низком уровне познавательной деятельности, отсутствия необходимых фоновых знаний, мотивации, неумения логически мыслить. Тренировка навыка языковой догадки должна начинаться ещё с раннего детства и продолжаться на начальном этапе овладения иностранным языком. Необходимо акцентировать внимание, изучающих немецкий язык, на заимствованиях в первую очередь из английского и французского языков. Языковая догадка актуальна и в повседневной жизни применительно к родному языку.

Существует ряд упражнений на развитие языкового чутья, ассоциативного мышления. На кафедре немецкого языка МГИМО активно используется «сознательно-сопоставительный анализ родного и немецкого языков» [Орехова 2013: 72], а также английского и немецкого, представленный, например, в учебных пособиях «Немецкий язык: шаг за шагом» [Винтайкина 2012], «Уроки немецкого» [Винтайкина 2014].

На первом курсе в учебном пособии «Немецкий язык от простого к сложному» [Головина 2012] студентам предлагается найти эквиваленты устойчивым выражениям, пословицам, поговоркам в русском языке.

Помимо этого, студентам можно предложить упражнения на семантизацию выделенных слов, исходя из смысла целого текста или опоры на определённые слова – маркеры, которые могут помочь раскрыть смысл выделенного слова; восстановление предложений; анализ слов, их разбор. Можно попробовать подобрать к немецкому слову

заимствование; образовать максимально возможное количество слов, используя определённые приставки; найти как можно больше слов в немецком языке с определёнными суффиксами.

«В условиях современных международных отношений статус иностранного языка рассматривается не только как важный элемент общей и профессиональной культуры народа» [Мамукина 2016: 86], в современном мире «при обучении иностранному языку особое внимание уделяется функционально-прагматическому аспекту» [Северова 2015:95]. МГИМО известен подготовкой специалистов по различным направлениям, «свободно владеющих языком своей профессии, что предполагает свободное понимание и участие в любом разговоре или дискуссии, умение выразить аргументированное мнение по предложенной профессиональной тематике» [Ширяева 2013: 321], в результате чего языковая нагрузка на студентов увеличивается, возникает необходимость в качественном усвоении большого количества учебного материала по иностранному языку, а кроме того как минимум студенты МГИМО изучают два иностранных языка, а иногда и больше. Владение таким приёмом, как языковая догадка смогло бы частично снять нагрузку при обучении студентов, облегчив усвоения новых лексем. Кроме того, необходимо отметить, что работая с иностранным языком, любой специалист будет встречать всегда ряд незнакомых слов и научить точно выявлять их семантику, не искажающую суть текста, также является задачей преподавателей МГИМО.

Список литературы

1. Винтайкина, Р.В. Немецкий язык: шаг за шагом : учеб. пособие в двух частях. Часть 2. Уровень А2 / Р. В. Винтайкина, Н. Н. Новикова, Н. Н. Саклакова. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. немецкого языка. - М.: МГИМО-Университет, 2012. – 156 с.
2. Винтайкина Р.В. Уроки немецкого : учеб. пособие. В. 2 ч. Ч. 2: Уровень В1 / Р.В. Винтайкина, Н.Н.Новикова, Н.Н. Саклакова ; отв. ред. А.М. Ионова ; МГИМО (У) МИД России, Каф. нем. яз. - Москва: МГИМО-Университет, 2014. –297 с.
3. Головина, Л.В. Немецкий язык от простого к сложному: Учебное пособие для уровня А1-А2/ Л.В. Головина, В.В. Шлыкова -М.:ТЕЗАУРУС, 2012. – 352с.
4. Мамукина Г.И. Формирование иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции в экономическом вузе/ Г.И. Мамукина// Иностранные языки в науке и образовании: проблемы и перспективы: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции 30 апреля 2016 г. - Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2016.- С. 85-89.

5. Орехова О.Е. Формирование языковых компетенций у студентов факультета журналистики МГИМО / О.Е. Орехова // Иностранные языки: теория и практика. – 2013. – № 1 (17). – С. 71-76.
6. Северова Н.Ю. Обучение иноязычной письменной коммуникации в социальных сетях с учётом лингвопрагматического аспекта/ Н.Ю. Северова// [Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика](#).2015. № 1.С.94-100.
7. Ширяева Н.В. Структурные и языковые особенности построения юридических текстов в Германии на примере статей законов и необходимость их концептуализации в процессе обучения студентов немецкому языку как языку профессии/ Н.В. Ширяева// Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе: материалы ежегодной международной конференции. Москва, 19-20 апреля 2013 г. – Москва: РУДН, 2013.- С.321-326.
8. <http://www.duden.de/rechtschreibung/Team>

ОСОБЕННОСТИ СЛОВОСЛИЯНИЯ КАК СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ

Елисеева В.В.

Санкт-Петербургский государственный Университет, г. Санкт-Петербург

Словослияние можно отнести к одному из самых спорных способов словообразования. Впервые его активность была отмечена в конце 19 века, с появлением знаменитых книг Льюиса Кэрролла об Алисе, хотя в последующее время этот способ считался второстепенным и малопродуктивным. Заметный подъем популярности словослияния наблюдается в 80-х годах 20 века, прежде всего в связи с активизацией коммерческой рекламы. К 2015 году этот словообразовательный способ находился уже в тройке ведущих моделей (Елисеева, 2015). Таким образом, можно отметить, что роль словослияния в пополнении английского вокабуляра носит меняющийся характер, в отличие, например, от словосложения или аббревиации.

Нет единства и в определении статуса словослияния как словообразовательной модели. Большинство отечественных исследователей выделяют этот способ создания нового слова как самостоятельный, тогда как в зарубежной лингвистике чаще всего его объединяют с другими видами аббревиации. Например, И.В.Арнольд выделяет блендинг в особую словообразовательную группу, хотя и отмечая при этом близость слов-слитков к сокращенным словам (Arnold,1986); в то же время Дж.Кристал безоговорочно включает

этот способ в группу моделей аббревиации (Crystal,1995). С нашей точки зрения, можно условно говорить о наличии модели при словослиянии, описывая её как (фрагмент основы + фрагмент основы)>бленда или (основа + фрагмент)> бленда, хотя взаимодействие этих составляющих в модели изучено явно недостаточно. Наблюдение над материалами словаря новых слов Макмиллана показало, что большинство лексических единиц, образованных способом словослияния представляют собой окказионализмы, что подтверждается и замечанием Дж.Кристалла о том, что бленды следует противопоставлять другим новым словам, образованным по традиционным моделям (Crystal,1995).

Окказионализмы, представляя собой новообразование, отличающееся от других типов новых лексем (неологизмов и потенциальных слов) характеризуются не только своеобразием реализации объема семантических компонентов в речи, но и отчетливым наличием экспрессивной составляющей. Сигналом экспрессии, привлекающим внимание читателя, чаще всего служит деформация, присутствующая на разных уровнях образования и функционирования окказионализма.

Деформация может иметь разнообразный характер, воздействуя как на фонетический и графический облик нового слова, так и на его морфологический и семантический состав.

Например, в слове duffin, образованном из фрагментов основ doughnut и muffin и имеющем значение a sweet cake which is a combination of doughnut and muffin (кекс, представляющий собой комбинацию пышки и оладьи) вторая основа (muffin) деформируется, лишаясь первой буквы, а фрагмент первой основы (doughnut) оказывается представленным единственной буквой d. Налицо деформация как на фонетическом и графическом, так и на морфологическом уровнях. В результате происходит изменение и на общем смысловом уровне, хотя при образовании нового товарного знака, как в данном случае, последнее играет меньшую роль. На первое место выдвигаются виды деформации, призванные привлечь внимание потенциального клиента, то есть изменения на фонетическом и графическом уровнях.

Ведущую роль деформации семантической можно проиллюстрировать примером окказионального существительного twitchfork - an aggressive form of organized protest via the Twitter short messaging service, or via other kinds of social media (агрессивная форма организованного протеста посредством использования Твиттера или других социальных сетей). В качестве производящих основ выступают фрагменты лексем Twitter и pitchfork, причем в обоих случаях используется переносное значение исходных слов: twitter- 1.to utter a succession of small, tremulous sounds, as a bird; 2.talk lightly and rapidly, esp.of trivial matter (говорить легко и быстро,особенно о пустяках); 3.an online social networking service

(социальная сеть в Интернете). Деформация на фонетическом (и, соответственно, графическом) уровне основы pitchfork - a large fork with a long handle, used to lift hay or grass (вилы) приводит к образованию окказионального паронима, а добавление фрагмента первой основы, twit- обеспечивает появление нового смысла как во втором компоненте, так и в бленде в целом. В результате отчетливо наблюдается повышение экспрессивной составляющей, отраженной в таких компонентах значения как aggressive и protest.

Деформация внутрисловной сочетаемости может выражаться, в частности, в использовании иноязычных слов или морфем для создания окказионализма. Так, фрагмент французской основы entrepreneur в сочетании с итальянским solo образовали слиток solopreneur - a business owner who works and runs their business alone (предприниматель, в одиночку ведущий свое дело; ср.рус. «индивидуальный предприниматель», имеющее, в отличие от английского, терминологическое значение).

Следует заметить, однако, что восприятие смысла нового слова невозможно без действия аналогии, которая также проявляется на всех уровнях. Как правило, значение слитка в целом опирается на второй (или конечный) элемент словообразовательной модели, вне зависимости от размера фрагмента. Так, в примерах solopreneur (< solo + entrepreneur) - a business owner who works and runs their business alone и duffin (< doughnut + muffin) - a sweet cake which is a combination of doughnut and muffin второй компонент значительно превышает первый по размеру. В обоих случаях смысл определяется в опоре на второй элемент (solopreneur – an entrepreneur who works solo; duffin – a muffin in the form of a doughnut).

В примерах twintern (<Twitter + intern) - a person, esp.a student or recent graduate, who is employed to promote a company by using social media such as Twitter and Facebook (некто, особенно студент или недавний выпускник, нанятый для продвижения компании через социальные сети, напр., Твиттер или Фейсбук) и coatigan (<coat + cardigan) - a long knitted jacket with long sleeves which is worn over other clothes and looks similar to a coat (длинный вязаный жакет с длинными рукавами, который носится поверх другой одежды и выглядит как пальто) компоненты соразмерны, значение слитка также определяется по конечному фрагменту (intern -a person; -igan –a jacket), причем во втором слове признак «looks similar to a coat - выглядит как пальто» явно носит дополнительный характер.

В окказионализме Frankenstorm (<Frankenstein+storm) – a very large and dangerous storm caused by a combination of storms and other particular weather conditions (очень сильная и опасная буря, вызванная сочетанием штормов и других неблагоприятных погодных условий) первый компонент превышает по размеру второй, что не препятствует восприятию целого как storm (буря) с дополнительным, хотя и весьма экспрессивным

признаком *very large and dangerous* (очень сильная и опасная). Таким образом, можно говорить о том, что смысловое восприятие слитка не отличается от восприятия слов, образованных по другим моделям, например, словосложения (*snowboard* – a *board* to use on snow; *baby-sitting* – *sitting* with one's baby, etc) и аналогично ему.

На формальном уровне также можно заметить некоторые закономерности в действии словообразовательной модели. Так, легко выделяются три группы слов-слитков в соответствии со схемой их образования: слитки, созданные по схеме «фрагмент производящей основы + фрагмент производящей основы», слитки, состоящие из одной основы и фрагмента другой, а также слитки, в которых первая производящая основа представлена фрагментом, а вторая – полностью. Рассмотрим подробнее, что происходит в каждой из этих групп с семантикой.

Кроме рассмотренного выше слитка *twitchfork*, по схеме «фрагмент производящей основы + фрагмент производящей основы» образован также ряд других окказионализмов (*phubbing*, *duffin*, *ecocide*, etc). Во всех случаях, кроме слова *duffin*, представляющего собой товарный знак, фрагменты производящих основ подвергались семантической деформации. Так, в примере *phubbing* (<*ph*one + *snubbing*) – the activity of being impolite in a social situation by looking at your phone instead of paying attention to the person you are with (невежливое поведение в обществе, выражающееся в том, что человек смотрит в свой телефон, а не на собеседника) фрагмент первой основы (*ph*<*ph*one) получает значение орудия, несвойственное исходной основе, а во втором фрагменте (*snub* – deliberately insult smb by ignoring them) нейтрализуется сема «deliberate», поскольку человек, подобным образом себя ведущий, на самом деле никаких намеренных действий не предпринимает. Семантическая деформация наблюдается и в примере *ecocide* (<*ecology*+*suicide*) – damage to or destruction of the natural environment, esp.as caused by human activity, such as pollution, war,etc.(вред, наносимый окружающей среде или её полное уничтожение, особенно вызванное деятельностью человека – загрязнение, войны и т.д.). В элементе *ecology* – pattern and balance of relationships between plants, animals and people (модель взаимоотношений между растениями, животными и человеком) на первый план выдвигается сема одушевленности под влиянием соединения с фрагментом второй основы – *suicide* – an act of deliberately killing oneself(акт намеренного лишения себя жизни). В этом втором фрагменте оказывается ослабленной сема намеренности, а значение целого обобщается до «самоуничтожение путем нанесения вреда природе». Таким образом, в данной группе семантическая деформация затрагивает оба компонента словообразовательной модели.

В группе «полная производящая основа + фрагмент основы» роль первого компонента сводится к характеристике второго, который выполняет главную смысловую нагрузку. Как и в рассмотренном выше примере *solopreneur*, в слитке *skinvertising* (<skin + advertising) – a form of advertising in which someone is paid to have a tattoo, which advertises a product or service (рекламирование товара или услуги с помощью татуировки, нанесенной на чье-то тело) восприятие результата слияния определяется вторым элементом. Первая основа, несмотря на сохранение полной формы, отходит на задний план, выполняя уточняющую функцию – «рекламирование определенным образом».

В группе «фрагмент основы + полная производящая основа» примеров несколько меньше, но все они показывают, что полная основа, входящая в состав слитка, подвергается усилению в смысловом плане, в том числе и плане экспрессивности. Если в примере *Brexit* (<Britain + exit) элемент *exit* - leaving a room or a house (выход из помещения) приобретает расширенное значение «разрыв связей», то в примере *Frankenstorm* фрагмент первой основы вносит в слиток повышенную экспрессивность при помощи ассоциативных связей этой основы. *Frankenstein* (Франкенштейн) – герой готического романа Мэри Шелли, чье имя ассоциируется с созданным им чудовищем.

Таким образом, можно говорить о стойкой тенденции в действии модели словослияния. Семантическая деформация затрагивает все компоненты модели, вне зависимости от их размеров и совпадения/несовпадения с полной производящей основой. Конечный компонент слитка всегда семантически усилен, в том числе и в плане экспрессивности, а начальный передает, как правило, дополнительный признак. Анализ окказионализмов, образованных способом словослияния, позволяет, на наш взгляд, говорить об особом, отличном от аббревиации, статусе этой модели, поскольку конечный результат такого словообразования предполагает появление нового (или дополнительного) смысла слова.

Список литературы

1. Елисеева В.В. Английские неологизмы XXI века: некоторые тенденции словообразования и функционирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9, вып. 1. 2015. С. 75-82
2. Arnold I. *The English Word*. М., 1986. P/141-142
3. Macmillan English Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com/buzzword/recent.html>
4. Crystal D. *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*. Cambridge University Press, 1995

«HAPPINESS» КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЙ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО «HAPPY» И ЕГО ДЕРИВАТОВ
В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ТЕКСТАХ

Кудря С.В., Бутакова А.М.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

Сегодня слово «happy» и его дериваты широко используются в специализированных текстах: в дипломатических резолюциях, в статьях по менеджменту, экономике, психологии, культурологии. Существует междисциплинарное научное издание «Journal of Happiness Studies», из названия которого следует, что «happiness» мыслится как объект исследования представителями целого ряда научных дисциплин. В августе 2001 года Генеральной Ассамблеей ООН принята резолюция № 65/309 «Happiness: towards a holistic approach to development». Авторы этого документа международного уровня, конструируя заголовок, очевидно, исходили из того, что знак «happiness» одинаково интерпретируется представителями всех входящих в ООН лингвокультур и означает для всех лингвокультурных сообществ некую универсальную ценность, оторванную от отдельных ценностных и лексических систем. Получается, что авторы резолюции без оговорок приписывают слову «happiness» черты, свойственные научному термину.

При этом невозможно не заметить, что ни «happy», ни его самый востребованный специалистами дериват «happiness», не функционируют в специализированных текстах так, как обычно функционирует термин. Так, уже при втором появлении в тексте резолюции № 65/309 ООН знак «happiness» в тексте стоит в одном ряду с «well-being»: «General Assembly,... *Conscious* that the pursuit of happiness is a fundamental human goal,... *Invites* Member States to pursue the elaboration of additional measures that better capture the importance of the pursuit of happiness and well-being in development with a view to guiding their public policies» (сохранена пунктуация источника, подчеркивание наше – СК) [21]. Это говорит о том, что уже на уровне постановки практической задачи «happiness» как основная тема высказывания мыслится в связке («and») с другим знаком (здесь – «well-being»); то есть семантическое содержание слова «happiness» представляется недостаточным для того, чтобы раскрыть тему «happiness», заявленную в названии документа. Схожее явление мы наблюдаем в научно-популярной статье, посвященной опросному инструменту «Oxford Questionnaire of Happiness» [15]: «measures of «subjective well-being (aka happiness) constructed by scientific research psychologists». Здесь знак

«happiness» мыслится даже уже не как основной, тематический, в отличие от декларации ООН, а как вторичный по значимости, и выносится за скобки.

Интересно также, что слова «happy», «happiness» иногда не переводятся в русскоязычных научных дискуссиях, как в письменной, так и в устной речи. Это очень нетипично для термина, обозначающего объект исследования, ведь за терминами, как правило, быстро закрепляются фиксированные переводческие эквиваленты в принимающих языках. Мы столкнулись с русскоязычной презентацией на тему так называемого «тренинга счастья», где русскоязычной аудитории демонстрировались слайды со словом «happiness» на английском языке. Иноязычные вкрапления «happy» и «happiness» эпизодически встречаются и в устной речи специалистов. Этот отказ от перевода в научной коммуникации неудивителен: слово «happy» и его дериваты даже в рамках одного специализированного текста в большинстве случаев не будут переводиться однокоренными словами, и то, что кажется реально существующим объектом исследования, обозначением «одного и того же» в англоязычном тексте, в переводных текстах распадется на разные сущности, и объект исследования исчезнет. Таким образом, в профессиональной коммуникации английское слово «happiness» практически превращается в иконический знак, который означает *«тот самый happiness, о котором речь идет в резолюции № 65/309 ООН»*.

Итак, мы наблюдаем парадокс в функционировании знака «happy» и его дериватов в специализированных текстах: с одной стороны, очевидно, что использующие это слово специалисты испытывают дискомфорт или неуверенность при его употреблении: создается впечатление, что от семантики этого знака всячески стараются отмахнуться; с другой стороны слово «happiness» является центральным в конструировании целого направления исследований, и, следовательно, четкое понимание его семантической структуры совершенно необходимо.

В данной статье предлагается функционально-семиотическое описание семантической структуры прилагательного «happy» и его дериватов, и приводятся наши наблюдения над функционированием этого знака в специализированных текстах. Под специализированным текстом в этой статье мы будем понимать особый тип текста, создаваемый в рамках институциональной коммуникации, примыкающий к той или иной научно-практической сфере.

Использованная здесь методика основана на функционально-семиотическом подходе к описанию словесного значения, разрабатываемом И.В. Голочиным [2,3]. При этом подходе значение слова определяется как зафиксированный в слове комплекс переживаний, полученных в результате контакта человека с окружающим материальным

миром с целью удовлетворения своих потребностей. Этот комплекс переживаний закреплен за корневой морфемой, и в рамках этой методологии этот комплекс переживаний называется «интегральным» в том смысле, что он лежит в основе всех основных лексико-семантических вариантов (далее – ЛСВ) однокоренных слов, позволяя этим словам выступать элементами определенных ситуативных моделей. Употребляя терминологию, предложенную И. В. Толочиним, мы в дальнейшем будем называть это функциональное ядро словесных знаков их интегральной категорией (далее – ИК).

Анализ более чем 300 случаев употребления «happy», взятых из Британского национального корпуса, позволил выявить следующую ИК прилагательного «happy» (подробное описание процедуры выявления интегральной категории не входит в задачи настоящей статьи, поэтому оставим ее за скобками): «характеристика переживания положительного чувства, возникающего в результате субъективно установленного соответствия между внешними условиями и потребностями или предпочтениями самого субъекта».

На основании этой ИК мы провели систематизацию контекстов употребления «happy», которые распределились на две основные сферы: 1) сферу личного опыта и 2) сферу межличностных/общественных отношений. Приведем краткую характеристику ЛСВ этих сфер.

В рамках сферы личного опыта, связанной с субъективными переживаниями, нами были выделены следующие ЛСВ:

ЛСВ 1. характеристика субъекта, испытывающего стабильное чувство удовлетворенности от существующих условий, соответствующих его потребностям или склонностям; e.g. *Most of the time he was happy.*

ЛСВ 1.1. характеристика объекта, отражающего стабильное чувство удовлетворенности, в связи с чем данный объект оценивается положительно; e.g. *We wish them a long, healthy and happy retirement.*

ЛСВ 2. характеристика субъекта, испытывающего относительно кратковременное и интенсивное чувство удовольствия или удовлетворения, вызванное определенными обстоятельствами; e.g. *She felt angry, indignant, yet disturbingly, soaringly excited and happy, all rolled bewilderingly into one.*

ЛСВ 2.1. характеристика объекта, отражающего кратковременное и интенсивное чувство удовольствия или удовлетворения; e.g. *Some voices are so happy and bright we can hear 'the smile' in them.*

Сфера межличностных/общественных отношений характеризуется взаимодействием с другими субъектами, что приводит к появлению определенных

ожиданий относительно результатов контакта с людьми или социальными институтами и, что важно, оценки соответствия ожиданиям. Эта сфера представлена следующими ЛСВ:

ЛСВ 3. характеристика субъекта, довольного предоставленными ему услугами или товаром, выполненным заданием, т.к. это способствует аккомодации субъекта к своему окружению; e.g. *My customers are generally **happy** with my services.*

ЛСВ 4. характеристика субъекта, готового и желающего выполнить свои обязанности или официальное задание, оказать услугу с целью помочь другому субъекту; e.g. *Most officers will be **happy** to help and provide you with the necessary information.*

ЛСВ 5. характеристика субъекта, довольного возможностью и благоприятными условиями, которые позволяют получить какую-либо выгоду; e.g. *The company would be **happy** to win just five to ten large accounts over the next year.*

ЛСВ 5.1. характеристика объекта, который оценивается как выгодный, поскольку приводит к положительному результату или позволяет избежать трудностей; e.g. *Viable recycling depends on a **happy** coincidence of materials costs, labour costs and technology.*

Таковы основные ЛСВ «happy» в неспециализированных текстах. Теперь обратимся к тому, как выявленная ИК и описанные ЛСВ проявляют себя в сферах научного общения, а именно, в специализированных текстах.

Прежде всего, обращает на себя внимание, что в специализированных текстах наблюдается высокая частотность существительного happiness. Неудивительно, ведь именно существительное позволяет мыслить семантический комплекс как отдельный объект ситуации. Если прилагательное «happy» указывает на наличие у объекта признака, который мыслится как временно присущий этому объекту, то существительное «happiness» представляет этот временный признак в качестве объекта ситуации, благодаря чему: 1) объект «happiness» может взаимодействовать с другими объектами; 2) с объекта «happiness» можно производить действия, например, контролировать и менять его; 3) можно измерять параметры объекта «happiness», характеризовать его с точки зрения качественных признаков.

Контроль и изменение объекта «happiness», а также его взаимодействие с другими объектами особенно актуальны для исследований в таких областях как, например, психология, и управление: «happiness» часто используется в контрасте с устоявшимися терминами этих научных дисциплин (e.g. depression symptoms, poorer performance), что указывает на установление между «happiness» и терминами систематических связей. Иначе говоря, в специализированных текстах наблюдается процесс терминологизации знака «happiness», который, однако, происходит стихийно, а не по договоренности

исследователей. На данный момент сами исследователи признают, что этот языковой знак не зафиксирован в качестве термина, и значение его в разных дисциплинах сильно варьируется: «*The word 'happiness' is used in various ways. In the widest sense it is an umbrella term for all that is good. In this meaning it is used interchangeably with terms like 'wellbeing' or 'quality of life' and denotes both individual and social welfare. The word is also used more specifically to denote subjective appreciation of life*» [4,334].

Если судить по контекстам употребления существительного «happiness» в специализированных текстах, то семантическая структура существительного «happiness» явно включает в себя не только семантический компонент «happy». Рассмотрим, например, опросный инструмент «The Oxford Happiness Questionnaire» [20]: этот опросный инструмент состоит из 29 пунктов, определяющих в совокупности уровень «happiness», и прилагающейся к каждому пункту шкалы степени согласия («*strongly/moderately/slightly (dis)agree*»). Один из пунктов этого опросника сформулирован так: «*I am very happy*». Значит, наличие признака «happy» является не единственным условием появления объекта «happiness». Оказывается, сюда также входят такие компоненты как «satisfied», «pleased», «healthy», «optimistic» и др. Таким образом, очевидно, что семантическая связь между прилагательным «happy» и существительным «happiness» в специализированных текстах утрачивается.

Существительное «happiness» и прилагательное «happy» в специализированных текстах характеризуется различными степенями выраженности. На основании того, что в языке повседневного общения прилагательное «happy» градуируется по интенсивности, напр. «*very happy*», «*not quite happy*», «*not happy enough*», авторы специализированных текстов строят дробные шкалы интенсивности со словом «happy»: «*too happy*», «*very happy*», «*somewhat (un)happy*», «*not happy*», «*not really (un)happy*», «*moderately happy*», «*rather happy*», «*pretty happy*» и т.д. Многие из этих словосочетаний не типичны для сферы повседневного общения, поскольку такая дробная градация в повседневном общении не производится. Следовательно, в специализированных текстах happy и его дериваты приобретают новую сочетаемость. Обратим внимание, что именно такие преломления ИК, возможные исключительно благодаря внутрисистемным свойствам языкового знака, осложняют в дальнейшем работу переводчиков, которые переводят формирующийся термин на другие языки. В частности перевести на русский язык «happy» в «*She felt angry, indignant, yet disturbingly, soaringly excited and happy*» (ЛСВ 2) и «*moderately happy*» с использованием одной и той же корневой морфемы представляется затруднительным.

«Happiness» и «happy» не только имеют степени выраженности в специализированных текстах; специалисты, занимающиеся «happiness» говорят о наличии среднестатистического и идеального уровня «happiness»: «*Somewhat happy or moderately happy - satisfied. This is what the average person scores*»; «*that's an ideal level of happiness to do well at work or school, or for your health*» [20]. Такое использование, на наш взгляд, стало возможным в специализированных текстах благодаря тому, что в английском языке повседневного общения в контекстах типа ЛСВ 3-5.1, т.е. в сфере межличностных/общественных отношений, употребление «happy» подразумевает наличие согласованного между людьми стандарта, как в примере «*happy with the services*». Таким образом, в специализированных текстах происходит наложение сферы личного опыта (ЛСВ 1-2.1) на сферу межличностных/общественных отношений (ЛСВ 3-5.1), что неудивительно, ведь субъективные чувства человека рассматриваются в науке с точки зрения стандартов, норм, ожиданий, принятых в сфере общественных, институциональных отношений. Такое употребление «happy» возможно в англоязычных текстах, но необязательно воспроизводимо при переводе, что опять-таки подрывает процесс терминологизации этого слова.

Особенно наглядно представлено наложение сферы личного опыта (ЛСВ 1-2.1) на сферу межличностных отношений (ЛСВ 3-5.1) в контекстах исследований в области управления. В результате анализа сочетаемости «happy» в сфере исследований в области управления, мы выяснили, что в этой сфере «happy» употребляется для характеристики субъекта, испытывающего чувство удовлетворения и эффективно исполняющего свои обязанности в виду гармоничного соотношения выполняемой им работы и условий труда (e.g. *happy manager/employee/worker*), и для характеристики объекта, вызывающего положительные эмоции, удовлетворение, положительно влияющего на работоспособность (e.g. *happy office/workplace/environment*). В этих примерах «happy» характеризует внутренне состояние субъекта, но характеристика коммуникативно релевантна, прежде всего, для сферы общественных отношений: субъект рассматривается именно как «*manager*», «*worker*», и наличие у него признака «happy» в данном контексте важно с точки зрения его способности эффективно выполнять свои профессиональные обязанности.

Итак, проведенный нами анализ показал некоторые способы преломления интегральной категории слова «happy» и его дериватов в специализированных текстах. Мы зафиксировали процесс стихийной терминологизации слов «happy» и «happiness», стирание семантической связи между «happy» и его дериватами в научной коммуникации. Мы также описали, как в научной коммуникации происходит слияние двух четко

различающихся сфер употребления языкового знака «happy», и показали, как на основании внутрисистемных свойств языкового знака строятся измерительные шкалы, которые необязательно воспроизводимы в других лингвокультурах. В целом, попытки приспособить знак «happy» и его дериваты к сфере кросс-культурной научной коммуникации пока дают неоднозначные результаты, что ставит под сомнение существование «happiness» как объекта научного исследования.

Список литературы

1. Смирнова, А. Ю. FOREST FIRE vs. COOKINGFIRE: применение достижений лингво-антропологического подхода к решению проблем лексикографического описания слова // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, том 13, вып. 2, 2015. – С. 36 – 48.
2. Толочин И. В. Stone Upon Stone: где найти человека в значении слова?// Язык человека. Человек в языке; под ред. Зеленщикова А.В., Хомяковой Е.Г. СПб, 2012. С. 130 - 164.
3. Толочин И. В., Лукьянова Е. А., Коновалова М. Н., Сорокина М. В. Учебник по лексикологии. СПб., 2014.
4. Veenhoven, R. Cross-national differences in happiness: Cultural measurement bias or effect of culture?//International Journal of Wellbeing, 2012.
Список источников примеров:
5. Action for Happiness [сайт]. URL: <http://www.actionforhappiness.org>, 08.11.15
6. Authentic Happiness [сайт]. URL: <https://www.authentichappiness.sas.upenn.edu>, 23.10.15
7. British National Corpus [сайт]. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc>, 05.10.15-30.11.15
8. Creating a happy office takes more than free lunch and a ping pong table. URL: <http://blog.crew.co/creating-a-happy-office>, 27.10.15
9. Happiness. URL: <http://psychology.wikia.com/wiki/Happiness>, 10.10.15
10. Happy Habits Quiz [сайт]. URL: <http://dsd.me/happy-habits-quiz>, 14.10.15
11. Happy Office. URL: <http://www.telegraph.co.uk/sponsored/business/sme-home/news/11896322/happy-office-productive-office.html>, 27.10.15
12. How To Run A Productive And Happy Office. URL: <http://www.lifhack.org/articles/productivity/how-run-productive-and-happy-office.html>, 27.10.16
13. Rate Your Happiness. URL: <http://www.the-happy-manager.com/articles/rate-your-happiness>, 06.10.15
14. Speaking of Psychology: Simple steps to well-being. URL: <http://www.apa.org/research/action/speaking-of-psychology/well-being.aspx>

15. Take the Oxford Happiness Questionnaire. URL: <http://www.theguardian.com/lifeandstyle/2014/nov/03/take-the-oxford-happiness-questionnaire>, 06.10.15
16. The Happy Workplace. URL: <http://www.the-happy-manager.com/the-happy-workplace>, 27.10.15
17. World Happiness Report. URL: <http://worldhappiness.report>, 06.10.15
18. The World Happiness Report. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/World_Happiness_Report, 28.10.15
19. Why does happiness matter? URL: <http://www.theguardian.com/lifeandstyle/2014/nov/03/why-does-happiness-matte>, 15.11.15
20. Wright S. Oxford Happiness Questionnaire URL: <http://www.new.meaningandhappiness.com/oxford-happiness-questionnaire/214/>, 30.10.2016
21. 65/309. Happiness: towards a holistic approach to development URL: <http://www.un.org/en/ga/65/resolutions.shtml>, 10.30.16

ПРОДУКТИВНЫЕ МОДЕЛИ СУФФИКСАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ АЛЛЮЗИВНЫХ
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Панасюк И.В.

Санкт-Петербургский государственный университет г. Санкт-Петербург

Прилагательные в английском языке образуются с помощью достаточно широкого набора аффиксов: от существительных путем прибавления суффиксов и от прилагательных путем использования префиксов. Необходимо отметить, что класс прилагательных расширяется главным образом за счет суффиксального словообразования. Для отыменных прилагательных, образованных от имен собственных, имеющих статус аллюзий, которые далее именуются аллюзивными прилагательными, характерна эта же общая тенденция аффиксального словообразования, хотя набор и частотность употребления используемых аффиксов может отличаться от парадигмы, присущей другим классам прилагательных.

В данной работе ставится цель рассмотрения аллюзивных прилагательных, которые являются новообразованиями с точки зрения продуктивности моделей аффиксации. Анализируя конкретный материал современной британской литературы, можно выстроить следующую словообразовательную цепочку следующей структуры: производящее аллюзивное имя собственное (например, Wyatt Turner)—производное

аллюзивное прилагательное 1, образованное от существительного путем суффиксации (например, *Byattian*, *Turneresque/ Turnerish*). При этом необходимо сделать некоторые оговорки. Во-первых, далеко не все зафиксированные в английском языке аллюзивные имена собственные образуют аллюзивные прилагательные. Нельзя не согласиться с мнением С.И.Гарагуля о том, что потенциальная деривация определяется реальным функционированием имен собственных в речи, их ролью в контексте целой нации (1, 12). Во-вторых, в настоящее время недостаточно изучена семантика аллюзивных суффиксов и мотивация авторского выбора того или иного суффикса. Однако потенциальная возможность реализации таких словообразовательных цепочек существует, что способствует дальнейшему развитию лексического состава английского языка.

Обратимся к анализу АП, полученных при текстовом анализе художественных произведений современных британских авторов. Отметим, что среди суффиксов, используемых для образования аллюзивных прилагательных- неологизмов, превалируют следующие: *-ian/ean*, *-esque* и *-ish*.

Суффикс *-ian/-ean* формирует в английском языке большую группу аллюзивных прилагательных, образованных от латинских имен и имеет статус нейтрального, передавая общее для всех аллюзивных суффиксов значение «характерный для, напоминающий» без каких-либо дополнительных стилистических оттенков. Рассмотрим пример 1, в котором используется неологистическое прилагательное *Hughesian*, созданное автором романа, Кейт Аткинсон.

1. There was a gruff man who seemed to despise them all and who wrote in a *Hughesian* way about birds of prey and dead sheep on hillsides (2, 34).

Рассказывая об участниках семинара для начинающих литераторов, автор сравнивает одного из них по манере письма с известным современным английским поэтом Тедом Хьюзом (Ted Hughes), используя неологизм - аллюзивное прилагательное, образованное от фамилии поэта, без указания его имени, чтобы подчеркнуть широкую известность поэта и оригинальность его стиля и явное подражательство со стороны поэта-любителя.

В примере 2, взятом из романа другого известного писателя современности, Малькольма Брэдбери (Malcolm Bradbury), мы встречаем неологизм *Holmesean*, образованный от имени легендарного литературного персонажа Шерлока Холмса (Sherlock Holmes).

2. Mystification overtakes me. My instinct for detection grows. My investigative blood runs warm. Walking through an afternoon of drilling rain, I spread my *Holmesean* net ever wider. I scan maps, hunt clues, follow every hint (2, 37)

Следует отметить, что если само имя сыщика Sherlock Holmes относится к ряду наиболее популярных аллюзий, то отыменное прилагательное *Holmesean* можно рассматривать как неологизм, так как он встречается значительно реже и не фиксируется словарями аллюзий. Использование прилагательного, образованного от фамилии литературного персонажа, без его имени, свидетельствует о более высоком уровне категоризации аллюзивного признака «дедуктивного метода Шерлока Холмса», чем простое упоминание его имени в составе метафорического тропа (сравнения, эпитета или метафоры-переименования). Любопытно использование притяжательного местоимения *my* в данном контексте, позволяющее наиболее полно выразить авторскую идентификацию с «холмскианским» методом распутывания сложных ситуаций.

Суффикс – *esque* также является весьма продуктивным способом создания новых отыменных аллюзивных прилагательных. В семантико-стилистическом плане он имеет особые специфические черты, отличающее его от других аллюзивных суффиксов. Он вошел в английский язык позднее других заимствованных суффиксов и, в отличие от них, не образует прилагательных со значением «присущий, принадлежащий лицу, от имени которого оно образовано». Это суффикс служит для образования аллюзивных прилагательных от имен писателей, художников, композиторов, имеющих значение «в стиле лица, от имени которого образовано прилагательное». Рассмотрим несколько примеров, в которых используются такие прилагательные. В примере 3 представлено описание Зимнего дворца в Петербурге, каким его видит герой романа – писатель.

3. The buildings, painted in green and white, are in the classical style, simple at heart and yet highly embellished, their walls caked with baroque pilasters and elaborate window frames. The roofs are verdigrised copper, and the facades run on and on, a Turneresque battery of Venetian palaces overlooking the waterless water (3, 270)

Использование аллюзивного прилагательного *Turneresque* позволяет писателю провести аналогию между видами Петербурга и картинами знаменитого английского художника, нередко называемого «английским импрессионистом» Джозефа Мэллорда Уильяма Тернера, на которых запечатлена Венеция. Несомненно, автору известно, что Петербург называют «северной Венецией» и аллюзивное прилагательное *Turneresque* («в стиле Тернера») позволяет ему обогатить это сравнение с помощью возникающих в воображении автора (и читателя) визуальных образов.

В примерах 4 и 5 представлено использование прилагательного на –*esque* в достаточно необычной и, думается, новой функции, а именно, для указания на характерный для данного человека стиль, причем этим человеком является персонаж литературного произведения. Вы назовем это явление «внутренней аллюзией».

4. 'Here we go, up to Scotland,' Jackson had said at the beginning of the journey and now, hours later, in a typically Juliaesque non seguitur she turned to him and said crossly, 'And you don't say "up" from London, Julia said, 'you say "down" because it's the capital.' (2, 64)
5. Graham *talked*, it was what made him Graham, so when she saw him in A and E, linked up to an array of blinking, beeping monitors, she was still expecting him to open his eyes and say something typically Grahamesque ('You took your fucking time, Gloria) (2, 110-111).

Приведенные выше примеры интересны тем, что производящей основой прилагательного служит первое имя, а не фамилия, как в примере 3. Любопытен также тот факт, что значение суффикса «в стиле, в духе» дублируется наречием 'typically'. Нельзя не упомянуть, что в классической английской литературе в данной функции используется прилагательное с суффиксом *-ean*, как, например, в романе Шарлотты Бронте «Джейн Эйр» - *a truly Janeian answer*.

Суффикс *-ish* также можно отнести к продуктивным способам образования аллюзивных прилагательных. Особенностью данного суффикса является то, что он придает отыменному прилагательному оттенок неполноты качества, свойственный другим прилагательным, образованным от существительных. Рассмотрим пример 6.

6. I know these depthless, spirit searching Northern souls. I know this school of grim-sentimental Bergman-ish reminiscence. (3, 110).

Прилагательное *Bergman-ish* используется как аллюзивный эпитет для существительного *reminiscence* (воспоминание), что усиливает его аллюзивное значение «похожий на фильмы Ингмара Бергмана, но не тождественный ему». Сочетание с эпитетом *grim-sentimental* способствует созданию негативной коннотации.

Обратимся к примерам из романа, посвященного жизни и творчеству Дж.М.У.Тернера, автором которого является Джеймс Уилсон. В тексте романа, повествующего о том, как художник и литератор, восхищающийся картинами Тернера, решает написать правдивую историю жизни художника, трижды встречается прилагательное *Turnerish*, при этом другие формы прилагательных, образованные от фамилии художника, не используются. Рассмотрим эти контексты для выяснения значения данного прилагательного (примеры 7-9).

7. On each of the eight sides there hung a picture, but although they blazed with the familiar Turnerish golds and oranges and reds, I recognized none of them. Until, that, is I came to the seventh; for it was *The Bay of Baiae*. (4 , p.298)

8. The paint seemed to have been flung against the canvas, where it hung in great pools and drips as thick as icicles – as if the artist’s job were merely to get it out of the pot, and he had no obligation to do anything with it once it was there. I can only assume he was trying for a Turnerish effect, for there was a jagged red smear in the middle, surrounded by black – but it entirely lacked Turner’s lucidity and brilliance (4, p.399)
9. ...there was something unmistakably Turnerish about this reply? (4, p.430).

Во всех вышеприведенных отрывках рассматриваемое прилагательное имеет аллюзивное значение «в духе, стиле Тернера», причем в примерах 7 и 8 речь идет о живописных полотнах, выполненных в подражание Тернеру, но уступающим оригиналам по мастерству, а в примере 9 – о манере речи, напоминающей речь лондонца-Тернера. Идея о неполном сходстве, которая в примерах 7 и 8 выражается на лексико-синтаксическом уровне (but it entirely lacked Turner’s lucidity), в примере 9 обозначается также пунктуационно – утвердительное предложение завершается вопросительным знаком. Возникает вопрос – можно ли вместо Turnerish употребить прилагательные Turnerian или Turneresque? Вероятно, это возможно, но с утратой части смысловой окраски, что противоречило бы стилистике данного произведения.

Таким образом, анализ продуктивных суффиксальных форм новообразованных аллюзивных прилагательных позволяет нам определить общую тенденцию их функционирования и выявить специфические черты, присущие прилагательным, созданным современными британскими писателями с использованием каждой из этих моделей.

Список литературы

1. Гарагуля С.И. Лингвокультурологический словарь английских личных имен: Раскрытие содержания свыше 100 культурно значимых имен. М.: ЛЕНАНД, 2016. – 272 с.
2. Atkinson K. One Good Turn. Black Swan, London, 2015, 541 p.
3. Bradbury M. To the Hermitage. Picador, London, 2000, 498 p.
4. Wilson James. The Dark Clue. A novel of Suspense. Faber&Faber, London, 2001, 468 p.

РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СТУДЕНТОВ ВУЗА КУЛЬТУРЫ
НА ВНЕАУДИТОРНЫХ ЗАНЯТИЯХ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

DEVELOPMENT OF CREATIVE COMPONENT OF STUDENTS
OF THE INSTITUTE OF CULTURE IN ADDITION TO CURRICULUM
CLASSES OF THE FOREIGN LANGUAGES

Поползина Л.П., Ворончихина М.В.

(Поползина Л.П., ст. преподаватель кафедры иностранных языков
Кемеровский государственный институт культуры;
Ворончихина М.В., ст. преподаватель кафедры иностранных языков
Кемеровский государственный институт культуры)

Аннотация: В статье уделяется внимание использованию оригинальных текстов в форме пьес, стихов, сонетов и песен, способствующих развитию социокультурной и коммуникативной компетенций. Статья рассматривает повышение творческого потенциала и профессионального мастерства студентов вуза культуры на внеаудиторных занятиях.

Ключевые слова: творческий потенциал, социокультурная компетенция, коммуникативная компетентность, профессиональное мастерство.

The article pays much attention to the usage of original texts in the form of plays, poems, sonnets and songs developing sociocultural and communicative competencies. The article deals with the ways of improving students' creativity and their professional skills in addition to curriculum in the Institute of culture.

The keywords: creative component, sociocultural competence, communicative competence, professional skills.

Актуальность статьи обусловлена требованиями современных образовательных стандартов, которые предполагают использование в учебной деятельности активные, творческие, самостоятельные формы обучения, необходимые для формирования коммуникативной и социокультурной компетенций вуза культуры. Изучению проблемы формирования готовности будущих специалистов к своей профессиональной деятельности в сфере культуры в нашем вузе уделяется большое внимание. Современные образовательные модели требуют внедрения в учебный процесс вуза личностно развивающих технологий, формирующих готовность студентов к интересной, творческой

работе, к самостоятельному, оригинальному мышлению, находчивости, гибкости и активности ради полезного дела.

В рамках обычных практических занятий не всегда есть возможность в полной мере реализовать творческий потенциал студентов. Развивая студентов в их творческом направлении, преподаватели используют взаимосвязи со специальными предметами, организуют презентации по волнующим темам. Так, в год литературы студенты принимали активное участие в творческих конкурсах и викторинах, посвященных великим писателям и поэтам, в частности было отмечено 200 лет со дня рождения М.Ю.Лермонтова. Творческий характер литературных вечеров, проводимых в музыкальной гостиной, оснащенной соответствующим музыкальным оборудованием, проявлялся в атмосфере интересов будущих специалистов мировой художественной литературы, музыкально педагогического отделения и других специальностей сферы культуры. Ежегодно проводятся внеаудиторные мероприятия в рамках кафедры иностранных языков в вузе по следующим номинациям: конкурс поэтического перевода, конкурс прозаического перевода, студенческой научно практической конференции и гала концерта. Так как перед преподавателями всегда стоит цель формирование социокультурной компетенции, то и система, и содержание всех заданий направлены на привлечение внимания студентов не только к культурологоведению, но и к страноведению. Чтобы данный алгоритм был эффективен, всегда обращается внимание на текст любого произведения, создание творческой атмосферы и стимуляции воображения студентов. По итогам «Дней кафедры в вузе» в конце учебного года состоялся гала - концерт. Студенты в соответствии со своими будущими специальностями отвечали за разные виды подготовки концерта: студенты по направлениям декоративно – прикладного искусства, графического дизайна и режиссерской деятельности оформляли декорации, создавали костюмы, рисовали плакаты. Студенты музыкально – педагогического направления и актерского мастерства занимались музыкальным сопровождением и непосредственным участием в постановке сцен, исполнении песен и стихов. Таким образом, в ходе подготовки была дана возможность студентам проявить свои творческие способности, войти в образы героев и «загореться профессиональной идеей».

Так как текст оригинального произведения всегда находится в центре внимания преподавателя, то эффективным видом подготовительного этапа является ознакомление студентов с биографиями писателей и поэтов изучаемых стран. Так, в электронной образовательной среде вуза размещен сборник «Путешествие по биографиям британских писателей и поэтов XX века». Сборник, составленный преподавателями кафедры на английском языке, знакомит с важными вехами биографий писателей и поэтов, их

творчеством, известными произведениями и литературными стилями, их взглядами и цитатами о литературе.

С определенной частотой студенты обращаются к творчеству великого английского драматурга и поэта эпохи Возрождения – Уильяму Шекспиру. Читаются знаменитые сонеты как на английском, так и в переводе Самуила Маршака, воспевающие радость и красоту любви. Музыкальная интерпретация сонетов, положенных на музыку, и их вокальное исполнение усиливают и дополняют темы сонетов, показывают профессиональное мастерство студентов по их будущим специальностям и коммуникативную компетентность по иностранному языку. Конечно, лирическая трагедия Шекспира «Ромео и Джульетта», ставшая гимном любви, а ее герои на все времена являющиеся символами преданной любви, понятны студентам. Идея и смысл этого произведения созвучны молодым людям, поэтому известные его сцены: разговор Джульетты с матерью и кормилицей о возможном замужестве, свидание героев на балконе охотно ставятся студентами на разнообразных внеаудиторных мероприятиях. Эти сцены, как правило, сопровождает музыка из кинофильма «Ромео и Джульетта» режиссера Франко Джеффирелли. Изучение авторской деятельности Шекспира стимулировало и познавательную активность студентов, их эрудицию и страноведческий кругозор. Читая сонеты поэта, студенты знают, что по традиции в английских стихотворениях, состоящих из (4) строк, применяется следующая рифмовка: три перекрестные рифмы и одно завершающее двустишие. Эта традиция заложена именно Шекспиром.

Читая стихотворения поэтов Роберта Бернса «В горах мое сердце», Джорджа Гордона Байрона «Первый поцелуй любви», Э.Браунинга «Жизнь», И. Гете «Свидания и прощания», студенты приобщаются к страноведческим реалиям, повышают уровень коммуникативной компетенции и обогащают свой профессиональный опыт в области культуры и искусства. Наряду с постановкой фрагмента пьесы Б. Шоу «Пигмалион» и раскрытием его идеи и смыслового контекста, студенты творчески со знанием русского характера показали сцены из великих классических произведений Русской литературы. Репертуар по произведениям А. С. Пушкина «Письмо Татьяны к Онегину», М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», Л. Н. Толстого «Анна Каренина» показал важную роль литературы в культурном и воспитательном значении. Характер всех оригинальных текстов: прозы, поэзии и сонетов интегрирует со специальными предметами, формирует социально - культурную компетенцию и способствует профессиональной целеустремленности.

Что касается песен на иностранном языке, то они также служат приемами для развития навыков в разных аспектах языка: аудирования, произношения, грамматики, пополнения уровня словарного запаса и ознакомления с речевыми и культурными особенностями стран изучаемого языка. Так как, перед преподавателем стоит всегда задача формирования социокультурной компетенции, то и внимание студентов нужно сосредоточить на тех элементах культуроведческой информации, которые содержатся в песни. Песня должна соответствовать выбору и интересам студентов и, конечно, она должна быть аутентична. Но не только текст песни, но и сама музыка призваны создавать благоприятную творческую атмосферу, стимулировать воображение студентов. Эффективность исполнения песни высокая, так как студенты вокального отделения исполняют под аккомпанемент студентов музыкально – педагогического отделения. Одним из значимых достоинств такого вида работы является ее информационная ценность. Такие сведения как биографии композиторов стран изучаемого языка, музыкальные жанры и течения, выражение точек зрения на внешние и внутренние проблемы общества, отраженные в музыкальных произведениях, изложены в хрестоматии кафедры «Великие зарубежные композиторы и их известные произведения».

Таким образом, при подготовке заключительного концерта были созданы условия для продолжающего развития социокультурной и коммуникативной компетенций, которые ориентировали студентов на их будущие специальности в сфере культуры и искусств. Комплексный подход был реализован через систему поиска информации, творческих тренингов и самостоятельной работы и направлен на креативное развитие профессиональных навыков.

Список литературы

1. Бондаренко О.Р. Межкультурные аспекты коммуникативной компетенции на иностранном языке // Методы и организация обучения иностранному языку в вузе. Труды МГЛУ. Вып. 370. М., 1991. С. 17-23.
2. Фоломкина С.К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе. – М.: Высш. шк., 2005.

СЕКЦИЯ №20.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.05)

**СЕКЦИЯ №21.
КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ, ВИЗАНТИЙСКАЯ И НОВОГРЕЧЕСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.14)**

**СЕКЦИЯ №22.
ТЕОРИЯ ЯЗЫКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.19)**

**СЕКЦИЯ №23.
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ
И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.20)**

ДЕРИВАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ГЛОБАЛИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Косырева М.С.

Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Новосибирск

В процессе интеграции в систему русского языка глобализмы [2] весьма активно реализуют свои словообразовательные возможности, образуя производные по продуктивным деривационным моделям русского языка. При основательном усвоении заимствованное слово принимает аффиксы и флексии по аналогии со словами исконными. В процессе употребления глобализмы обрастают новыми производными.

Словообразовательные возможности терминов и треминоидов ограничены и подчинены определенным закономерностям. Так, например, они не реализуют свой деривационный потенциал в образовании агентивов – названий лиц, осуществляющих деятельность, названную производящей основой, зато весьма активно образуют прилагательные со значением «относящийся к данному явлению, свойственный ему». Продуктивны в сфере деривации глобализмов относительные прилагательные. В основном, они образуются суффиксальным способом при помощи суффиксов *-н-*, *-ов-* (*-ев-*), *-ск-*.

После гласной *-и* в несклоняемых существительных используется морф *-йн-*, например: *селфи – селфийный*.

Прилагательные с суффиксами *-ов-* (*-ев-*) и *-ск-* означают «относящийся к тому или свойственный тому, что названо мотивирующим словом». В качестве мотивирующих для прилагательных с суффиксом *-ов-* (*-ев-*) выступают основы неодушевленных существительных разных тематических групп глобализмов, оканчивающиеся на твердый согласный, например: *трендовый, флеймовый, снамовый* и др.

Прилагательные с суффиксом *-ск-* образуются от заимствованных одушевленных существительных. Мотивирующие основы оканчиваются на твердые парные согласные, например: *блогерский, дайверский, реслерский* и др.

Относительные прилагательные, в свою очередь, выступают в качестве производящих основ. От них образуются:

- префиксальные прилагательные, например: *спамовый - антиспамовый*;
- сложные прилагательные, например: *иннинговый – двухиннинговый*;
- наречия, например: *файтерский – по-файтерски, флудер – по-флудерски*.

От заимствованных названий движений, приемов, состояний и положений образуются глаголы при помощи суффикса *-ова-* (*-ирова-*), имеющие значение «применять прием, названный мотивирующей основой», например: *снеп – снеповать, снепировать; глайдинг – глайдинговать (глайд – глайдировать)*.

Названия вида деятельности дают дериваты со значением «заниматься тем, что свойственной лицу, названному производящей основой», например: *пиар – пиарить(ся), троллинг – троллинговать*.

От большинства глобализмов глаголы образуются, хотя, в основном, носят разговорный характер, например: *банить, чатить, троллить*.

Отглагольные существительные образуются при помощи суффикса *-ниj-* после гласной производящей основы. Продуктивный в прошлом тип образования отглагольных существительных при помощи суффикса *-к-* после сочетания «гласная + парная твердая согласная» (напр., *блокировать – блокировка*) в дериватах глобализмов нами пока не обнаружен.

От некоторых названий людей образуются отвлеченные существительные, имеющие значение состояния, положения, деятельности, например: *хакер – хакерство, геймер – геймерство* и др.

Таким образом, среди дериватов, образованных от глобализмов, первое место занимают имена существительные. По мере освоения глобализмов русским языком многие из них дают производные на русской почве, однако ввиду чрезвычайно динамичной адаптации они не образуют большие словообразовательные гнезда, хотя образуют новые слова по морфологическим, по неморфологическим и в сочетании неморфологического (сложение) и морфологического (суффиксальный) словообразовательных типов (комплексные дериваты).

С точки зрения этимологии структурных элементов в морфологических дериватах от глобализмов преобладают образования следующих типов:

- 1) английская основа + русский (исконно русский или заимствованный ранее) аффикс (82 %), например: *бейсбол-ист, бейсбол'-н-ый, бейсбол-к-а, онлайн-ов-ый*;
- 2) русский аффикс + английская основа, например (6 %): *квази-флуд, экс-геймер*;
- 3) русский аффикс + английская основа + русский аффикс (12 %), например: *по-геймер-ск-и, анти-спам-ов-ый, меж-сайт-ов-ый*.

В неморфологических дериватах наличествуют следующие типы соотношений:

- 1) английская основа + русская основа (89 %), например: *боулинг-клуб, райдер-шоу, фитнес-стиль*;
- 2) русская основа + английская основа (11 %), например: *мини-керлинг, микро-флуд*.

По мере адаптации глобализмов и накопления одноструктурных и родственных слов в терминологии русского языка, членимость многих заимствованных слов в русском языке приближается к их членимости в английском языке [1]. В заимствованиях последнего десятилетия выделяются те же англоязычные суффиксы, что и в уже давно освоенных русским языком глобализмах:

- 1) суффикс *-мен (-смен)* для обозначения лица, например: *бейс-мен* (ср. *бейсик*), *лайн-смен* (ср. *онлайн*);
- 2) суффикс *-ер* для обозначения лица, например: *бодибилд-ер* (*бодибилдинг*), *дайв-ер* (*дайв*), *питч-ер* (*питч*);
- 3) суффикс *-инг* для обозначения процесса, названного мотивирующей основой, например: *сноуборд-инг* (*сноуборд*), *дайв-инг* (*дайв*), *скейтборд-инг* (*скейтборд*).

На рубеже XX – XXI веков в русский язык пришло немалое количество слов с суффиксами *-ер* и *-инг*. Однако наибольшую словообразовательную продуктивность демонстрируют суффиксы *-ер* и *-инг*. При этом следует отметить, что суффикс *-ер* оказывается более активным и вытесняет суффикс *-мен*, имеющий то же значение, на периферию деривации. На суффиксе *-инг* следует остановиться подробнее.

В середине 1990-х годов исследователями было отмечено, что суффикс *-инг* с периферии языковой словообразовательной системы переместился к ее центру [см.: Сешан, 1996], и слова на *-инг*, пусть и не всегда вполне понятные, известны каждому носителю русского языка и является одним из символов американской языковой экспансии (см.: Сешан, 1996б).

Глобализмы на *-инг* в английском языке являются производными от глагольных основ (*to dive – diving, to shape – shaping*). В русском языке они утрачивают эту соотношенность с глагольной основой. Немалое количество глобализмов на *-инг* пришло в конце XX века в общественно-политический (*брифинг, рейтинг, мониторинг,*

промоутиг и др.), научно-технический (*крекинг, провайдинг, роуминг, спаминг* и др.), экономический (*консалтинг, маркетинг, лизинг, факторинг* и др.) и обиходно-бытовой (*лифтинг, паркинг, пиллинг, пирсинг* и др.) лексикон. Кроме того, такие термины, как *кастинг, холдинг* и др., принесли новые значения не в одну, а в несколько сфер русской лингвокультуры.

Высокая словообразовательная активность наблюдается у всех глобализмов на *-инг*. Их деривация идет по трем путям:

- 1) образование форм глаголов: *карвинг – карвинговать, пампинг – пампинговать*;
- 2) образование форм прилагательных: *глайдинг – глайдинговый, троллинг – троллинговый*;
- 3) образование формы существительных: *керлинг – керлингист*.

При анализе деривации «инговых» глобализмов следует учитывать, что русским языком слова на *-инг*, как правило, усваиваются целиком, поэтому словообразовательная роль суффикса ослабляется. Уже в конце XX века в результате метонимических сдвигов глобализмы на *-инг* окончательно утрачивают следы глагольности, становясь полноценными и самостоятельными в словообразовательном плане существительными. А суффикс *-инг*, наоборот, приобретает в русском языке значение действия.

Таким образом, мы сталкиваемся с ситуацией, когда англоязычные заимствования, проникая в русское языковое пространство, поначалу принимая морфологические условия новой языковой среды, вскоре начинают «навязывать» ей собственные [1]. Деривация глобальной лексики в современном русском языке позволяет найти более точные наименования для вновь возникающих явлений глобальной лингвокультуры, расширяет полисемию, а также дает новые возможности для заимствования слов, необходимых для номинации уже существующих понятий.

Список литературы

1. Богословская В.Р., Долгенко А.Н., Косырева М.С. От "selfie" к "селфи": пути адаптации англицизмов в современном русском языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 9-10 (104). С. 125-129.
2. Косырева М.С. Глобализмы в русском языке. М.: Юнити-Дана, 2016.

СИСТЕМА УПРАЖНЕНИЙ ПО ОБУЧЕНИЮ ПЕРЕВОДУ ПРИЧАСТИЙ НАСТОЯЩЕГО
И ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ С ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ
СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ

Петрова У. В.

Ярославский государственный технический университет, г. Ярославль

Перевод является одним из основных видов коммуникативной деятельности при изучении иностранного языка. Он способствует освоению лексики и грамматики изучаемого языка, позволяет учащимся успешнее преодолевать трудности на пути к достижению подлинного понимания иноязычного текста, к конструированию собственного высказывания на иностранном языке и его адекватной передаче средствами литературного языка. Кроме того, переводческая деятельность обогащает человека, позволяет ему познавать окружающий мир, изучать культуру, традиции и обычаи других стран, сопоставлять и сравнивать их с культурными ценностями родной страны.

Целью обучения учащихся переводу является овладение языковыми, социокультурными знаниями, умениями и навыками, обеспечивающими подлинное понимание иноязычного текста и его адекватный литературный перевод.

Задачи обучения переводу следующие:

1. Формирование и развитие у учащихся лексико-грамматических умений и навыков, необходимых для переводческой деятельности
2. Обучение сопоставлению и анализу параллельных текстов и фраз с оригиналом, выявлению их сходств и различий.
3. Выполнение собственно переводческих упражнений, развивающих умение решать переводческие задачи, связанные с особенностями семантики единиц и структур иностранного и родного языка.

Умения и навыки перевода создаются на основе специально подобранных учебных заданий и упражнений.

По характеру выполняемых речевых действий упражнения подразделяются на предпереводческие и собственно переводческие.

Предпереводческие упражнения имеют цель создать условия для успешного осуществления переводческого процесса, создать необходимую коммуникативную установку, проверить наличие у учащихся языковых и фоновых знаний.

В данной статье мы предлагаем систему собственно переводческих упражнений, которые являются базовыми при обучении переводу и рекомендуются для студентов младших курсов неязыковых ВУЗов.

Грамматические категории причастий настоящего и прошедшего времени существует в обоих языках. Однако, совпадая в самых общих чертах, эти категории во многом расходятся, поэтому представляют трудности при переводе на русский язык и наоборот.

Приведем образцы грамматических упражнений на перевод и сопоставление причастных конструкций настоящего и прошедшего времени (*Participe Présent* и *Participe Passé*).

1. *Переведите и подчеркните русские эквиваленты Participe Présent:*

- 1) J' ai trouvé Régine pleurant sur l'album des photos de famille.
- 2) On ne voyait que des ombres circulant derrière les fenêtres.
- 3) Alors Forestier se renversant sur sa chaise, prit une pose Presque solennelle.

2. *Замените глаголы в скобках на причастие настоящего времени (Participe Présent). Переведите фразы и подчеркните русские эквиваленты:*

- 1) On pouvait voir de loin les hauts murs (entourer) la ville.
- 2) Sa chamber avait deux fenêtres (donner) sur le jardin.
- 3) Elle habitait une maison (appartenir) à ses parents.

3. *Замените относительные предложения на причастие настоящего времени (Participe Présent). Переведите фразы и подчеркните русские эквиваленты:*

- 1) Nous nous dirigeons vers la maison qui porte le numéro 50-52.
- 2) Saint-Patrice est un petit village de la côté normande qui descend doucement vers une plage de sable.
- 3) Une route qui traverse la forêt nous a ammené à une ferme.

4. *Дополните следующие фразы Participe Présent. Переведите их, подчеркивая русские эквиваленты:*

- 1) Ils chantent une chanson.....
- 2) Il nous a fait une remarque.....
- 3) Vous vous êtes promenés sur le boulevard.....
- 4) On va parler du sujet.....

5. *Переведите следующие фразы, используя Participe présent:*

- 1) Название «высокая мода» является юридически защищенным термином, которым могут называться только те предприятия, которые фигурируют в списке.
- 2) Очевидна выгода единой эксплуатации того или иного бассейна, который позволит сочетать защиту экосистемы и потребление в нужных размерах.

3) Вот почему Франция предложила созвать Европейскую конференцию, которая бы объединила все страны кандидаты и 15 членов ЕС.

6. *Сделайте перевод Participe passé и подчеркните русские эквиваленты:*

- 1) Il s`agit d`une femme morte le mois dernier.
- 2) Les étudiants venus de différents pays font leurs études à l`Université de Moscou.
- 3) J`admirais un tableau de Césanne pendu au mur.

7. *Переведите фразы с Participe passé, классифицируйте русские эквиваленты на морфологические и синтаксические:*

- 1) Installé au Mexique, dont il est devenu citoyen, Frédéric Yves Jeannet s`est fait connaître il y a trois ans.
- 2) Tous ces ingrédients sans cesse brassés et remis sur le métier, ont donne un livre limpide.
- 3) Les Japonnais raffolent d`événement cautionnés par des personnalités.

Морфологические эквиваленты *Синтаксические эквиваленты*

8. *Замените инфинитивы глаголов на Participe présent или Participe passé:*

- 1) Elle les imaginait (remonter) la rue Bonaparte et (se perdre) dans la rue.
- 2) Il le regarde les dents (serrer)

Конечно, формат данной статьи не позволяет охватить весь комплекс упражнений, связанных с обучением переводу причастных конструкций с одного языка на другой. В дальнейшем представляется интерес по составлению переводческих упражнений по другим неличным формам глагола, которые также вызывают трудности у обучающихся.

Несомненно, необходимо систематически применять переводческие упражнения на занятиях по иностранному языку для максимального овладения учащимися языковыми умениями и навыками, обеспечивающими подлинное понимание иноязычного текста и его адекватный литературный перевод.

Список литературы

1. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961
2. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове), М., 1947
3. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Л, «Просвещение», 1976
4. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. М. Высш. шк., 1979

5. Комиссаров В.Н. Культурно – этнографическая концепция перевода//Картина мира: лексикон и текст / Сб. науч. трудов МГЛУ - Вып. 376, М.,1991/
6. Комиссаров В.Н. Теоретические основы методики обучения переводу. «Рема», М., 1997
7. Кузнецов В. Г. Функциональные стили современного французского языка. М., Высш. шк., 1991
8. Попов А. В. Грамматика русского языка. Л.,1956
9. Попова И. Н., Казакова Ж. А. Грамматика французского языка. М., Высш. шк.,1989
10. Тер – Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. Слово / SLOVO М., 2000
11. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М., Высш. шк., 1983
12. Халифман Э. А. Пособие по сопоставительному изучению грамматики французского и русского языка. М., 1981
13. Dubois J. Grammaire structural du français P., 1965
14. Grevisse M. Le Bon Usage. Grammaire français P.,1965
15. Wagner R.-L., Pinchon J. Grammaire du français, classique et modern. P., 1962

Журналы

1. «La Science et Avenir»
2. «Le Nouvel Observateur»
3. «Les Echos»
4. «Label France»

СЕКЦИЯ №24.

**ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.21)**

СЕКЦИЯ №25.

**ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ,
АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ
(С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ)
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.22)**

ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2016 ГОД

Январь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы гуманитарных наук в современных условиях развития страны**», г. **Санкт-Петербург**

Прием статей для публикации: до 1 января 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 февраля 2016г.

Февраль 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы гуманитарных наук в России и за рубежом**», г. **Новосибирск**

Прием статей для публикации: до 1 февраля 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 марта 2016г.

Март 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы современных гуманитарных наук**», г. **Екатеринбург**

Прием статей для публикации: до 1 марта 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 апреля 2016г.

Апрель 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы и достижения в гуманитарных науках**», г. **Самара**

Прием статей для публикации: до 1 апреля 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 мая 2016г.

Май 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы и перспективы развития гуманитарных наук**», г. **Омск**

Прием статей для публикации: до 1 мая 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июня 2016г.

Июнь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Современные проблемы гуманитарных наук в мире**», г. **Казань**

Прием статей для публикации: до 1 июня 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июля 2016г.

Июль 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**О вопросах и проблемах современных гуманитарных наук**», г. **Челябинск**

Прием статей для публикации: до 1 июля 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 августа 2016г.

Август 2016г.

III Международная научно-практическая конференция **«Новые тенденции развития гуманитарных наук», г. Ростов-на-Дону**

Прием статей для публикации: до 1 августа 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 сентября 2016г.

Сентябрь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция **«Гуманитарные науки в современном мире», г. Уфа**

Прием статей для публикации: до 1 сентября 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 октября 2016г.

Октябрь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция **«Основные проблемы гуманитарных наук», г. Волгоград**

Прием статей для публикации: до 1 октября 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 ноября 2016г.

Ноябрь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция **«Гуманитарные науки: вопросы и тенденции развития», г. Красноярск**

Прием статей для публикации: до 1 ноября 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 декабря 2016г.

Декабрь 2016г.

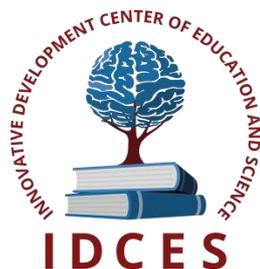
III Международная научно-практическая конференция **«Перспективы развития современных гуманитарных наук», г. Воронеж**

Прием статей для публикации: до 1 декабря 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 января 2017г.

С более подробной информацией о международных научно-практических конференциях можно ознакомиться на официальном сайте Инновационного центра развития образования и науки www.izron.ru (раздел «Гуманитарные науки»).

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

Гуманитарные науки: вопросы и тенденции развития

Выпуск III

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(11 ноября 2016 г.)**

г. Красноярск

2016 г.

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка авторская

Подписано в печать 10.11.2016.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 9,1.
Тираж 250 экз. Заказ № 115.

Отпечатано по заказу ИЦРОН в ООО «Ареал»
603000, г. Нижний Новгород, ул. Студеная, д. 58.